СВЕДЕНИЯ
О
ЧАСТН.
ГИМНАЗИИ
КРЕЙМАНА

Е 80/290
1873

Г 123
7/а
Е. 80/290

СВѢДѢНІЯ

о

ЧАСТНОЙ ГИМНАЗІИ

ФР. КРЕЙМАНА

ВЪ МОСКВѢ.

МОСКВА.
1873.

Е 80/290.

СВѢДѢНІЯ

О

ЧАСТНОЙ ГИМНАЗІИ

ФР. КРЕЙМАНА

ВЪ МОСКВѢ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1) Русь и Половцы. Эпизодъ изъ исторіи борьбы Руси со степью. Рѣчь пропзнесенная 2-го октября 1873 П. П. Мельгуновымъ.
2) Краткій отчетъ о состояніи школы за 1872—73 учебный годъ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА (КАТКОВЪ И К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1873.

Дозволено цензурой. Москва, 16-го декабря 1873 года.

2007098226

РУСЬ И ПОЛОВЦЫ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРІИ БОРЬБЫ РУСИ СО СТЕПЬЮ.

„Тогда по руской земли рѣтко ратаевѣ кликахуть, нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полѣтѣти на уедіе.“

Слово о Полку Игоревѣ.

Отъ Великаго Океана до Чернаго моря въ незапамятныя, доисторическія времена, по словамъ геологіи, простиралось громадное внутреннее море. Вслѣдствіе неизвѣстныхъ намъ переворотовъ кора земная поднялась, море отступило, его дно обнажилось и обсушилось, и только въ двухъ глубочайшихъ впадинахъ, Каспіи и Аралѣ, засѣла масса соленой воды. Эта высохшая земля—тоже необъятное море, среди котораго глазъ тонетъ въ мертвенно-однообразной, безбрежной дали и вѣтеръ гонитъ песчаныя волны. Это море зовется *степь—поле, чистое, дикое поле* звали его наши предки, *кумъ* (пески) слыветъ оно у Торкскихъ народовъ. Мѣстами это необъятное море состоитъ изъ солончаковъ и сыпучихъ песковъ, безплодныхъ и голыхъ, какъ Богомъ проклятая Сахара—другое морское дно—такъ Бекъ-паддала, голодная степь, Кызиль-Кумъ, Усть-Уртская возвышенность. Но, вообще говоря, сѣверное положеніе спасаетъ нашу степь отъ полной смерти, царящей въ Сахарѣ. Здѣсь есть жизнь... Но какова эта жизнь? Рядомъ съ жизнью смерть, среди самой жизни что-то мертвенно-однообразное... Весною степь живетъ и дышетъ полною грудью: дожди напоютъ землю и тамъ, гдѣ не одинъ только безплодный песокъ, она покрывается богатымъ зеленымъ ковромъ, но однообразно тя-

нется онъ на необозримое пространство — ни дерева, ни тѣни. Недолго продолжается это время. Страшные жары наступаютъ быстро, и палящій, достигающій слишкомъ 50° Р., зной изсушаетъ землю: высыхаютъ вмѣстилища воды, пруды и болота, рвы и канавы; изсохшая, лишенная всякой влаги земля покрывается трещинами и разсѣлинами; растительность вся побурѣла и почернѣла отъ дуновенія раскаленнаго вѣтра, не уступающаго пресловутому хамсину, нѣтъ свѣжей былинки; словомъ все умерло, все покрыто, словно чернымъ саваномъ, густымъ слоемъ мелкой пыли. Только къ осени степь опять просыпается на время, температура опускается, идутъ обильные дожди, и присутствіе воды вызываетъ появленіе новой жизни. Эта жизнь также скоротечна, какъ и первое ея проявленіе. Близка зима, а она здѣсь суровѣе, чѣмъ гдѣ-либо; сѣверный, леденящій, ничѣмъ не прегражденный вѣтеръ вольно гуляетъ по открытой равнинѣ, бушуютъ вихри съ метелью и наносятъ снѣжные сугробы—все снова покрылось саваномъ смерти—и ждутъ не дождутся новаго воскресенія отощавшіе, массами умирающіе, люди и скотъ. Такова степная природа. Здѣсь есть гдѣ пріютиться человѣческой жизни, но эта жизнь будетъ носить на себѣ необходимо неизгладимый отпечатокъ своей природы. Какъ мертвенно-однообразна она, такъ мертвенно-однообразенъ выростаетъ и человѣкъ, ею окруженный и отъ нея получающій свои впечатлѣнія. Дѣйствительно, какую новую мысль, какое новое чувство можетъ возбудить въ комъ бы то ни было вѣчное созерцаніе одного и того же? Природа груба и сурова, въ ней нѣтъ мягкости, нѣжности, все основано на крутыхъ, рѣзкихъ переходахъ; и человѣкъ степи таковъ же, онъ вѣрный снимокъ своей страны, также дикъ и суровъ, также

не знаетъ мѣры въ своихъ увлеченіяхъ, мягкое, гуманное чувство ему недоступно—онъ кровожадный кровопійца—это его удѣлъ. Степь не приспособлена къ земледѣлію, она, напротивъ, съ избыткомъ даетъ пропитаніе массамъ скота — и вотъ человѣкъ въ ней живущій приспособляется къ тому, что она даетъ: онъ кочуетъ съ мѣста на мѣсто, онъ *бродникъ*, *толковинъ*, какъ выражались у насъ въ старину; нѣтъ у него дома и очага, нѣтъ, слѣдовательно, и привязанности къ мѣсту, не можетъ быть высокаго чувства любви къ родинѣ, всѣ интересы его ограничиваются его ближайшимъ родомъ-племенемъ, и только необходимость защиты отъ грабежа и насилія, отъ степныхъ барантачей, заставляетъ его тѣснѣе слиться подъ властью одного общаго родоначальника; только общій языкъ, общая вѣра, общіе браки, подчасъ общіе удалые набѣги связываютъ отдѣльные роды. Таковъ бытъ и характеръ жителей поля, *половцевъ*, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Здѣсь нѣтъ культуры, здѣсь нѣтъ и исторіи. Немногіе оазы, которые могли бы намъ представить болѣе отрадныя явленія, отовсюду замкнуты степью, находятся подъ ея грознымъ вліяніемъ—въ результатѣ они та же степь. О враждебное историческому развитію вліяніе природы разбилась желѣзная воля Аттилы, Чингиса, Тимурленка: ни общей религіи, ни общаго закона, ни общаго государства не смогли создать ихъ гигантскія усилія. Прошли десятки вѣковъ, а житель степи неизмѣнно все тотъ же: въ современномъ Монголѣ или Калмыкѣ мы легко узнаемъ древняго Гунна, черты Половчина XIII вѣка тождественно повторяются въ современномъ Туркменѣ и Узбекѣ.

Но степь, лишенная своей собственной исторіи, имѣетъ однакоже громадное участіе въ *исторіи человѣ-*

чества. Законъ исторіи есть движеніе впередъ, *прогрессъ,* но это движеніе не совершается ровнымъ, незамедляемымъ шагомъ, только тяжелымъ трудомъ и борьбою дано достиженіе этой цѣли исторіи. Народы степи не принимаютъ участія въ этомъ тяжкомъ трудѣ; они, напротивъ, разрушаютъ то, что создается другими. Это народы *отрицательные.* Народы степные по самой природѣ своей склонны къ грабежу; ихъ собственная скудная жизнь неудержимо тянетъ ихъ насиліемъ воспользоваться богатствомъ цивилизованныхъ народовъ. Отсюда происходитъ рядъ непрекращающихся набѣговъ. Иногда эти набѣги принимаютъ характеръ бурныхъ, всесокрушающихъ погромовъ, какъ бы періодически повторяющихся. Внутреннее ли или внѣшнее давленіе, или мощная энергія одной выдающейся личности—причины могутъ быть разнообразныя—но результатъ всего этого въ подвижной степи отдается быстро и внезапно по всѣмъ направленіямъ, и легкій вѣтерокъ легко превращается въ грозный, всеувлекающій ураганъ. Движеніе одного рода обхватываетъ другіе, все это срастается, сливается, увлекаетъ все раздробленное, встрѣчающееся на пути, все движется, и вотъ передъ нами вырастаетъ милліонная масса людей, связанная между собою одною идеею—идеею грабежа, одною жаждою—жаждою крови; покорно слѣдуетъ она мановенію одного вождя и неудержимо-порывистымъ потокомъ, все сокрушая на пути, обрушивается она на цивилизованныя страны. Такіе погромы сравниваются обыкновенно съ лавиною, и лучшаго сравненія придумать нельзя: такъ именно Альпійская лавина, на своемъ короткомъ пути, однимъ механическимъ способомъ изъ ничтожной льдины вырастаетъ въ громадную гору, не знающую преградъ и препятствій. Степь искони была вмѣстилищемъ такихъ

лавинь. Свидѣтель великаго переселенія народовъ, Іорнандъ, называетъ Скандинавію источникомъ новыхъ народовъ, officina gentium, vagina nationum [1]). Мы съ бо́льшимъ правомъ можемъ повторить его удачное выраженіе и сказать что истинною *кузницею народовъ* была искони среднеазіятская степь. Три племени издавна обитаютъ въ ней: Тунгузы, Монголы, Турки; отличаясь типомъ физіономіи, языкомъ и вѣрою, дѣлясь на безчисленное множество племенъ, принимающихъ то различныя названія, то возобновляющихъ старыя, гдѣ-то таящіяся въ забвеніи, но не умирающія, эти народы съ незапамятныхъ временъ, сливаясь и перемѣшиваясь между собою до неузнаваемости (Турки-Татары могутъ служить примѣромъ), были бичомъ разоренія сосѣднихъ съ ними цивилизованныхъ странъ. Борьба степи и окружающихъ ея осѣдлыхъ народовъ начинается съ незапамятныхъ временъ, она можетъ назваться ископною; своею грудью эти народы встрѣчаютъ напоръ вражьей силы и кровавымъ по́томъ отстаиваютъ свою цивилизацію. Наши общеевропейскіе предки, Арійцы Прана, уже искусились въ этой „борьбѣ плуга съ охотничьимъ лукомъ и пастушьимъ посохомъ“ [2]); непримиримая вражда существуетъ между дѣтьми Агурамазды и дикими сынами Ангроманью. Съ особеннымъ вниманіемъ и сочувствіемъ долженъ слѣдить историкъ за этой борьбой, потому что это борьба за разумъ, за цивилизацію, за прогрессъ, словомъ за все человѣчество.

Невидными и непризнанными благодѣтелями человѣчества являются эти борцы за цивилизацію, за исторію, все равно, сокрушился ли объ ихъ желѣзную грудь напоръ степнаго моря, или они стопутъ подъ тяжкимъ его игомъ. Наша Русская земля есть не только одинъ изъ этихъ передовыхъ постовъ цивилизаціи, выдерживаю-

щихъ степной напоръ—мы можемъ по праву гордиться тѣмъ, что на своихъ плечахъ вынесли значительную часть европейской образованности. Намъ досталась на долю черная работа, трудъ и страданье, но зато мы съ благородною гордостью можемъ сказать, что съ честью вышли изъ этого испытанія, съ непреклоненнымъ челомъ пронесли тотъ крестъ, который на насъ наложила судьба. Иностранные писатели рѣдко сознаютъ эту историческую роль нашей родины; не безъ иронiи нѣкоторые изъ нихъ называютъ насъ Туранцами. Можетъ-быть мы многое позаимствовали у Туранцевъ—дурное сосѣдство рѣдко обходится даромъ — но только полное незнаніе исторiи или глубокая ненависть могутъ назвать степнымъ *тотъ* народъ, который выросъ и значительную часть своей жизни провелъ въ борьбѣ со степью. Одна кровь, обильно пролитая въ степи, по всѣмъ направленiямъ усѣянной русскими костями, даетъ намъ право назваться Европейцами въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Наша историческая жизнь есть длинная трагедiя, бойцы которой не щадили своихъ силъ. Наше время есть уже время торжества и побѣды. При Екатеринѣ Великой мы одержали эту побѣду надъ тою окраиною степи, которая глубоко врѣзалась въ сердце Европы: 1783-й годъ, годъ присоединенiя Крыма, долженъ крѣпко запечатлѣться въ сердцѣ каждаго Русскаго патрiота, ибо степь стала Русью, Азiя Европой. 1873-й годъ, годъ торжества надъ Хивою, однимъ изъ послѣднихъ оплотовъ степи, также неизгладимо запишется въ исторiи, а въ ближайшемъ будущемъ къ нему несомнѣнно присоединится годъ усмиренiя Туркменъ: тогда покончится значительная часть нашей исторической задачи, сыграется одинъ изъ послѣднихъ актовъ степной трагедiи. Эта побѣда, которую мы празд-

пуемъ и которою гордимся, далась народу нашему не даромъ—она далась намъ кровавымъ трудомъ нашихъ предковъ, которые, употребимъ старорусское выраженіе, „страдали“ за землю Русскую. Присмотримся же поближе къ одному изъ эпизодовъ этой борьбы, посмотримъ, какъ страдали наши предки за землю Русскую въ борьбѣ съ *Половцами* съ конца XI-го до начала XIII-го вѣка. Тяжелое было время. „Уже бо, братіе, *невеселая година* встала,“—такъ характеризуетъ это время одинъ изъ его пѣвцовъ,—„уже пустыни силу прикрыла; встала обида въ силахъ Дажь-бога внука, вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крилы на синѣмъ морѣ, у Дону плещучи, убуди жирня времена“.... Въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми; *тоска разліяся* по Руской земли.... О! стонати Руской земли“ [3]).

Въ предстоящемъ краткомъ очеркѣ я постараюсь познакомить васъ, преимущественно на основаніи показаній самихъ современниковъ, чѣмъ вызваны были эти стонущія слова поэта, которыя могутъ служить эпиграфомъ къ цѣлому періоду Русской исторіи.

Бросимъ быстрый взглядъ на страну Русскую, и многія особенности ея исторіи станутъ для насъ яснѣе. Передъ нами обширная равнина, на югѣ переходящая въ степь. Эта степь есть продолженіе Великой Среднеазіатской; здѣсь Азія какъ будто ворвалась въ Европу, и границы обѣихъ странъ свѣта съ точностью опредѣлить нельзя: для насъ эта граница Яикъ-Уралъ, для древняго времени Донъ-Танаисъ. Именно здѣсь, на украйнѣ, должна главнымъ образомъ разыграться та борьба, о которой мы многократно упоминали. Величественную равнину прорѣзываютъ величественные вод-

ные пути, словно артеріи, ведущія въ глубь страны. Такихъ артерій главнымъ образомъ двѣ: Волга и то, что называлось въ старину путемъ изъ Варягъ въ Греки, т.-е. Днѣпръ, Ловать, Волховъ, Нева. Оба пути имѣютъ сѣверо-южное или сѣверо-юго-восточное направленіе; по воднымъ великимъ путямъ начинается обыкновенно исторія, и для насъ важно замѣтить, что на западъ водные пути наши не открываются. Оба пути заканчиваются степью: Волга доступна съ юга, но этотъ югъ открывается въ замкнутое море, отовсюду почти окруженное тою же степью; Днѣпръ почти недоступенъ съ юга, вслѣдствіе своихъ пороговъ. Таковы въ главныхъ, общихъ чертахъ особенности нашей страны. Мы легко можемъ замѣтить, присматриваясь къ нимъ, что доступъ для европейской цивилизаціи загражденъ съ юга, единственные выходы заперты, залегаются враждебною силою; историческая жизнь должна самобытно зародиться здѣсь на сѣверѣ, своими собственными силами должна она будетъ пробить себѣ дорогу на югъ, силою добыть просвѣщеніе. Исторія страны подтвердитъ наше предположеніе.

Съ незапамятныхъ временъ, вдоль степныхъ береговъ Понта Евксинскаго живутъ дикіе народы, преимущественно Торкскаго племени. Древніе Греки зовутъ ихъ *Скиѳами* [1]). По берегамъ моря лѣпятся греческія колоніи, но въ глубь страны онѣ не заходятъ. Неутомимый, предпріимчивый житель Эллады встрѣчаетъ неодолимое для себя препятствіе при попыткѣ проникнуть на сѣверъ. Какъ ни тянуло его на берега „гостепріимнаго“ моря, преодолѣть сопротивленіе степи онъ не могъ. Въ повѣствованіи отца исторіи живо рисуется она намъ: суровая, неподвижная, упрямо-упорная въ своихъ предразсудкахъ, въ привязанности къ своей старинѣ, пре-

данья̀мъ отцовъ и дѣдовъ. Недовѣрчиво и враждебно относится она къ своему развитому сосѣду и не прощаетъ своимъ сынамъ увлеченія строемъ жизни чуждаго народа: безпощадно приносятся въ жертву Молоха степныхъ предразсудковъ измѣнники вѣковѣчной старинѣ. Геродотъ передаетъ намъ трагическую повѣсть двухъ скиѳскихъ царевичей, Анахарсиса и Скила, не устоявшихъ противъ соблазновъ чужеземной жизни и погибшихъ отъ руки своихъ суровыхъ соплеменниковъ [5]). Ихъ трагическая судьба служила урокомъ для другихъ и вмѣстѣ есть знаменіе будущаго: не подчинить своему вліянію, а поработить, искоренить степь, приходилось осѣдлымъ народамъ.

Съ такими чертами выступаетъ наше поле, какъ только меркнулъ для насъ свѣтъ исторіи.

Время идетъ, и вотъ въ IV-мъ столѣтіи встрѣчаемся мы съ первою попыткою создать въ этихъ мѣстностяхъ государство на европейскихъ началахъ: мы говоримъ о Германскомъ королевствѣ Остъ-Готовъ. Попытка не продолжительна: степь, какъ будто сознательно, высылаетъ изъ своей среды новый запасъ силъ, новыя безломныя орды. Гуннскій погромъ, словно вихрь урагана, смелъ все что было насажено, все бѣжитъ отсюда дальше и дальше, опять все ровно и гладко — степь празднуетъ свою кровавую побѣду. Снова проходятъ вѣка, и только въ VIII — IX-мъ столѣтіяхъ зарождается новая историческая жизнь въ широкихъ восточно-европейскихъ равнинахъ. На восточномъ водномъ пути, на Волгѣ, являются Болгарское и Хозарское царства, развивающіяся подъ значительнымъ вліяніемъ цивилизаціи арабской, которая обширно входитъ въ глубь страны по широкой волжской артеріи. Цивилизація эта носитъ слишкомъ экзотическій, непрочный

характеръ, скоро гибнетъ подъ враждебнымъ вліяніемъ степи, но пренебрегать ею нельзя: она вложила свой вкладъ въ наше развитіе. Другой зародышъ исторической жизни на великомъ западномъ пути: предпріимчивый бродяга Варягъ даетъ толчокъ, и около него группируются осѣдлыя славянскія племена. Это разсвѣтъ нашей Русской исторіи, занимается денница многострадальной нашей жизни. Но заря едва еще мерцаетъ, а уже началась кровавая борьба на жизнь и на смерть. Молодая русская жизнь ищетъ себѣ выхода, ее невольно тянетъ къ столицѣ европейскаго міра, къ богатому Царю-городу, но на пути, на Днѣпровскихъ порогахъ, ее поджидаетъ суровый сынъ степи, Печенѣжинъ. Императоръ Царяграда самъ живо повѣствуетъ намъ о томъ бою, который приходилось выдерживать Руссамъ, шедшимъ въ столицу міра [6]). Въ отсутствіе нашего князя богатыря, Святослава, степная сила облегаетъ Кіевъ, въ бою съ нею онъ самъ кладетъ свою буйную голову. Руссъ шелъ въ Византію, какъ и Германецъ въ Римъ, конечно, не съ цѣлью учиться—его прельщали богатство и роскошь—но Русскій дикій воинъ невольно преклонялся передъ возставшею передъ его изумленными глазами чудною красою многосторонней цивилизаціи, не недовѣрчиво и враждебно относился онъ къ ней, какъ сынъ пустыни, онъ преклонялся передъ нею, дѣлался ея ученикомъ, невольно просвѣщался, учился самъ. Изъ враждебно-мирныхъ столкновеній съ Византіею создалось наше просвѣщеніе, и вѣра, сказанная на славянскій языкъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, сдѣлалась могущественнымъ орудіемъ нашей науки. Для насъ это былъ вопросъ жизни или смерти, и степь безсознательно напрягала свои силы, чтобы рѣшить этотъ вопросъ отрицательно. Русская земля нашла од-

накоже достаточно энергіи, чтобы преодолѣть сопротивленіе. Мы можемъ смѣло сказать, что наши предки сами завоевали себѣ крещеніе и просвѣщеніе. Но Азія неутомима: съ половины XI-го вѣка она высылаетъ изъ глуби своей новую, болѣе многочисленную орду; она сокрушила Печенѣговъ, но сама за то широкою полосою разлилась отъ Яика до Дуная, по прежнему отрѣзывая нашу родину отъ всѣхъ ея выходовъ. Новая орда принадлежала, подобно Печенѣгамъ, къ многочисленнымъ народцамъ Торкскаго племени. Она не потрудилась даже придумать себѣ особаго названія: просто *Куманы*, т.-е. степняки, называли себя новые пришельцы; наши предки буквально перевели это названіе на свой языкъ: *Половцы*.

Намъ необходимо было бы прежде всего остановиться на особенностяхъ характера, быта и обстановки новаго народа, но многаго сказать объ этомъ и невозможно, и излишне: это характеръ, бытъ и обстановка любаго кочующаго племени до нашего времени.

„У нихъ нѣтъ“, передаетъ намъ Плано Карпини, Итальянецъ, въ XIII вѣкѣ путешествовавшій по Южной Руси, „постоянныхъ жилищъ или домовъ; живутъ они въ шатрахъ“. Эти шатры не что иное какъ кибитки— „вѣжами“ называли ихъ наши предки [7]). „Зимою они спускаются къ морю, а лѣтомъ по берегамъ рѣкъ перекочевываютъ къ горамъ... Жители не занимаются земледѣліемъ, а скотоводствомъ“ [8]). Если намъ и встрѣчаются иногда указанія на города на Дону [9]), то эти города вѣроятно не что иное какъ „зимовища“ [10]), и образъ жизни въ нихъ похожъ на то, что мы встрѣчаемъ, по свидѣтельству Арабовъ [11]), въ Итилѣ Хозарскомъ: это укрѣпленные станы, около которыхъ кочевники соединяются зимою, а лѣтомъ опять расходятся

по всей землѣ. Можетъ-быть даже это только остатки прежнихъ хозарскихъ городовъ [12]). Стройное цѣлое такой кочующій народъ представлять не могъ; мы не встрѣчаемъ никакого указанія на общаго главу, и выраженія „лѣпшій, болій, великій князь“ даются только въ смыслѣ большой силы, почета и вліянія. Самое большое, что мы можемъ извлечь изъ нашихъ источниковъ, это то, что нѣсколько племенъ или родовъ соединялись иногда подъ властью общаго князя [13]). Безголовая орда дѣлится на множество родовъ, во главѣ которыхъ стоятъ князья, дающіе этимъ родамъ свое имя, подобно тѣмъ Осман-лы (Османовичамъ), знамя которыхъ теперь развѣвается въ Стамбулѣ: Кулобичи, Бурчевичи, Токсобичи и т. д. [14]). Самыхъ князей этихъ было безчисленное множество; достаточно указать, что въ одномъ походѣ 1183 года ихъ упоминается числомъ 417 человѣкъ [15]). Для совѣщанія объ общихъ дѣлахъ, т.-е. по преимуществу объ общихъ набѣгахъ и общей защитѣ, они собираются на *сонмища* или *полчища* [16]), конные, какъ и подобаетъ степнымъ богатырямъ, но во всемъ прочемъ каждый князь самостоятельно распоряжался своею „чадью“, т.-е. родомъ, отдѣльно мирится, отдѣльно совершаетъ набѣги, нанимается на службу и т. д. [17]). Одно только военное дѣло интересуетъ степныхъ богатырей, и въ немъ Половцы являются опасными людьми. Мы видимъ у нихъ хорошее вооруженіе: аварскіе шеломы, щиты, брони, копья [18]); встрѣчаемся съ правильнымъ военнымъ строемъ: сторожа, главный полкъ, стягъ или знамя [19]); есть даже попытки къ болѣе усовершенствованнымъ способамъ боя: такъ ѣдоп 1184 годомъ упоминаются у Половцевъ бесерменинъ съ живымъ огнемъ и самострѣлы, натягиваемые 50-ю людьми [20]). Но самый способъ боя

общеазіятскій: исключительно конное, войско Половецкое съ дикимъ гиканьемъ (кликъ) бросается на врага, обступаетъ его со всѣхъ сторонъ своими массами («аки борове»), осыпаетъ тучами стрѣлъ, иногда прибѣгаетъ къ обычной азіятской хитрости—засадѣ. [21]) Противъ ратнаго европейскаго строя рѣдко могли устоять степные наѣздники: только внезапность нападенія и громада давали имъ перевѣсъ [22]).

Характеръ такого степнаго народа могъ быть только одинъ. Его сосѣди, на себѣ его испытавшіе, говорятъ въ одинъ голосъ. „Половци, утверждаетъ нашъ лѣтописецъ, законъ отцовъ своихъ держатъ *кровь проливати* и хвалящеся о семъ, ядуще мертвечину и всю нечистоту“ [23]). „*Chomani*, подтверждаетъ лѣтописецъ Венгерскій, *gens immundissima*, quae carnibus utebatur fere crudis pro cibo et lacte equorum et sanguine pro potu“ [24]).

Съ такимъ-то народомъ пришлось нашимъ предкамъ столкнуться въ XI-мъ вѣкѣ и имѣть своимъ сосѣдомъ въ продолженіе двухъ почти столѣтій. Первый результатъ сосѣдства Руси съ такимъ дикимъ степнымъ народомъ заключался въ постоянныхъ половецкихъ набѣгахъ на пограничныя русскія земли. Эти набѣги носили характеръ постояннаго, непрерывнаго погрома; намъ трудно представитъ себѣ теперь, какимъ тяжелымъ бременемъ ложилось на нашихъ предковъ это постоянное разореніе. Только обугленныя, дымящіяся пожарища, трупы убитыхъ указывали собою на слѣдъ, по которому прошли Половцы. „Городи вси опустѣша“, говоритъ лѣтописецъ, „села опустѣша; прейдемъ поля, идѣже пасома бѣша стада конь, овця и волове, все тоще нонѣ видимъ, нивы поростъше звѣремъ жи-

лищи была“ [25]). Чтобы защититься отъ нападеній половецкихъ, Русскіе окружили южную часть своихъ владѣній *валомъ* („шеломя“, „валъ Половечьскый“) и *частоколомъ*, существовавшими, по свидѣтельству Брунона Кверфуртскаго, западнаго миссіонера, еще во времена Владиміра Святаго [26]). Вдоль валовъ устроилась своего рода военная линія. Междуусобія стени давали возможность пользоваться противъ нея ея же орудіемъ. Печенѣги и Торки, разбитые Половцами, бѣжали къ Русскимъ границамъ; Русскіе приняли ихъ подъ свою защиту съ условіемъ взять на себя сторожить Русскую землю отъ варваровъ. Эти „дикіе свои“, какъ ихъ называли, поселились по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, вдоль границъ Кіевскихъ, Переяславскихъ и Черниговскихъ, управлялись своими князьями, жили по своему обычаю и закону, дѣлились на множество родовъ, большею частію носившихъ названія своихъ родоначальниковъ (на что указываютъ патрономическія окончанія: Берендичи, Каепичи, Бастѣева чадь), но вообще сливались подъ общимъ именемъ Каракалпаковъ или Черныхъ Клобуковъ—имя распространенное и теперь еще среди Узбековъ Туркестана. Каракалпаки получили важное значеніе въ строѣ русской жизни, потому что, составляя постоянную храбрую военную дружину, они могли всегда оказать сильное вліяніе на рѣшеніе различныхъ вопросовъ и доставить своимъ присоединеніемъ перевѣсъ въ спорѣ того или другаго князя за столъ. Такъ, извѣстный Изяславъ II удержался на Кіевскомъ столѣ преимущественно сочувствіемъ и помощью каракалпацкихъ удальцовъ. Естественно, что князья дорожили мнѣніемъ и голосомъ такой дружины, и нерѣдко князь, заботясь о своемъ наслѣдникѣ, переговаривался о немъ не только съ Кіянами, но и съ Торками (Ростиславъ и Святославъ

Ольговичъ 1161), ихъ вождямъ давалъ города въ управленіе (1159), а иногда даже назначалъ особаго князя для управленія Поросвемъ (1155). Какъ опасны могли быть для Кіевскаго князя недружелюбныя къ Торкамъ отношенія, показываетъ намъ исторія ихъ князя *Куптувдыя*. Куптувдый, разссорившись съ княземъ Святославомъ, бѣжитъ къ Половцамъ и наводитъ ихъ на Русскую землю. Набѣги, руководимые опытнымъ и знавшимъ мѣстность человѣкомъ, были на столько разорительны, что Святославъ принужденъ былъ примириться съ оскорбленнымъ Торкскимъ княземъ. Черные Клобуки, дѣйствительно, были смѣлыми воинами, ихъ удалыя дружины дорого цѣнились (Василько напримѣръ мечтаетъ о дружинѣ изъ Берендичей, Печенѣговъ и Торковъ) и, какъ форпостъ Руси противъ степи, приносили немалую пользу. Они невольно подвергались вліянію Руси, и въ послѣдствіи, можно сказать положительно, изъ нихъ составилось ядро Малорусскихъ казаковъ или Черкасъ [27]). Въ XII-мъ вѣкѣ не безъ права говорили Берендичи князю Юрію: „*мы умираемъ за Русскую землю* и голову свою складаемъ за твою честь“ (1155). Въ этихъ словахъ степняковъ чувствуется первая побѣда Руси надъ степью. Но обрусеніе Черныхъ Клобуковъ шло медленными шагами; долгое время оставались они дѣтьми пустыни, «дикими», какъ ихъ звала Русь; они имѣли свои интересы, не всегда сходные съ интересами того народа, который ихъ пріютилъ, а общій языкъ и общіе обычаи подчасъ неудержимо влекли ихъ къ степнымъ соотечественникамъ, къ пріятелямъ, „сватамъ“, какъ выражались въ старину. Такъ напр. въ 1187 году Черные Клобуки даютъ вѣсть о предполагаемомъ походѣ Русскихъ „*сватамъ своимъ* въ Половцы“. Къ тому же ни валы, ни сторожевая линія не могли помѣшать степнякамъ.

Половецкіе конные отряды являлись обыкновенно внезапно, „изгономъ“, жгли и грабили, и обремененные богатою добычею и массою плѣнниковъ, также внезапно исчезали. Память сохранила намъ имена нѣкоторыхъ удалыхъ половецкихъ богатырей. Одинъ изъ нихъ былъ знаменитый *Боняк*ъ. Неутомимо преслѣдовалъ онъ свою цѣль, по нѣскольку разъ вторгался онъ ежегодно въ Русскія земли, нѣсколько разъ подступалъ къ самому Кіеву и могъ похвалиться въ своей удали тѣмъ, что ударилъ мечомъ въ Золотыя ворота Кіевскія. Рѣдко удавалось русскимъ князьямъ нагнать захватившаго ихъ врасплохъ половецкаго богатыря; въ духовной грамотѣ Владиміра Мономаха мы слишкомъ часто встрѣчаемся съ выраженіемъ: „и паки гонихомъ за Боняком и не постигахомъ его“ (три раза). Объ одномъ изъ наиболѣе мастерскихъ набѣговъ Боняка въ 1096 году сохранилъ намъ воспоминаніе лѣтописецъ-монахъ Печерскій, самъ горькимъ опытомъ извѣдавшій на себѣ его удаль. Событія этого года любопытны, потому что могутъ дать намъ слабое понятіе о томъ, что терпѣла въ то время Русская земля. Съ ранней весны разные отряды половецкіе распоряжаются на Руси: въ маѣ Бонякъ подступаетъ къ Кіеву, сожигаетъ его окрестности, даже княжій дворъ въ селѣ Берестовомъ; въ то же время другой князь, Куря, разоряетъ окрестности Переяславля; едва окончился ихъ набѣгъ, какъ третій отрядъ Тугоръ-хана подступаетъ къ разоренному уже Переяславлю и держитъ его въ осадѣ; русскимъ князьямъ удается врасплохъ захватить и разбить Тугоръ-хана. Но этимъ гроза не кончается: 20-го іюля вторично является неутомимый Бонякъ подъ Кіевомъ. „Мало въ городъ не въѣхаша“, говоритъ современникъ. Всюду страхъ и смятеніе; горитъ посадъ по Днѣпру, горитъ

дворъ Всеволода на Выдубечскомъ холму, горятъ монастыри Стефанечь и Германечь; дикіе хищники приближаются и къ главной святынѣ Русской, Печерскому монастырю. „Мы спали по кельямъ, отдыхая послѣ заутрени“, говоритъ современникъ, „какъ дикій крикъ ихъ („кликнуша“) раздался передъ воротами монастырскими; испуганные и беззащитные монахи ищутъ спасенія гдѣ кто знаетъ, а между тѣмъ ворота уже разбиты, и дикіе грабители разсыпались по монастырю: кто вырубаетъ двери въ кельяхъ и тащитъ что находитъ, другіе въ церкви обдираютъ иконы и другія церковныя украшенія, съ дикими воплями бьютъ они встрѣчающихся монаховъ, поджигаютъ соборъ Святой Богородицы и, упоенные видомъ пожара и пролитой крови, громко ругаются надъ Богомъ христіанскимъ“ („укоряху Бога и законъ нашъ“) [28]). Дикая картина! Тяжело было быть очевидцемъ поруганія и гибели близкаго и роднаго. Одно утѣшеніе, одна надежда оставалась: „хрестьянамъ многими скорбьми и напастьми внити въ царствіе небесное, а симъ поганымъ и ругателемъ на семъ свѣтѣ пріимшимъ веселье и просторонство, а на ономъ свѣтѣ пріимуть муку съ дьяволомъ, уготованіи огню вѣчному“. Такъ оканчивались набѣги Боняка. Въ одномъ изъ набѣговъ и ему пришлось сложить, наконецъ, свою буйную голову, по память объ этомъ „великомъ“ князѣ долго хранилась среди его народа, можетъ-быть передавалась въ пѣсняхъ. Его сынъ, *Севенчъ* Боняковичъ, увлекается воспоминаніемъ о подвигахъ отца: „хочу“, говоритъ онъ, „какъ отецъ мой, ударить мечомъ въ Золотыя ворота Кіевскія“ и находитъ себѣ смерть, не исполнивъ похвальбы [29]). Другой князь Половецкій, имя котораго въ свое время было не менѣе страшно и грозно, чѣмъ имя Боняка, *Кончакъ*, также держитъ память

о своемъ удаломъ предшественникѣ: „идемъ на Кіевскую сторону“, говоритъ онъ въ 1186 году, гдѣ суть избита братья наша и великий князь нашъ Бонякъ“ [30]). Сами Русскіе люди не могли не отдать свою дань удивленія и уваженія богатырямъ половецкимъ.

Для монаха Печерскаго Бонякъ „шолудивый хыщникъ“, но лѣтописецъ Волынскій, передавая повѣсть о знаменитой его побѣдѣ надъ Венграми, съ невольнымъ увлеченіемъ и восторгомъ останавливается на „соколѣ“ удальцѣ [31]). То, что произошло въ 1096 году, повторялось почти ежегодно: лѣтопись не сохранила намъ извѣстій о всѣхъ набѣгахъ половецкихъ, но всей вѣроятности, потому что отдѣльныя вторженія были явленіемъ слишкомъ обыкновеннымъ, но и того, что у насъ есть, уже слишкомъ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что житель Южной Руси никогда не могъ быть покоенъ и безопасенъ. Земледѣлецъ всегда могъ ожидать, по словамъ Владиміра Мономаха, что вотъ онъ „начнетъ орати и, пріѣхавъ, Половчинъ ударитъ и стрѣлою, а лошадь его поиметь, а, въ село его ѣхавъ, имать жену его и дѣти его и все имѣніе его“ [32]). Тяжело было жить въ такое время! Можетъ-быть всего тяжелѣе было не погибнуть подъ мечомъ половецкимъ или лишиться всего имущества—тяжелѣе всего было попасть въ плѣнъ. Для Половцевъ „полонъ христіанскій“ былъ своего рода источникомъ богатства, промысломъ, который болѣе чѣмъ какая-либо другая добыча побуждалъ къ набѣгамъ. Дѣйствительно плѣнникъ Русскій или продавался въ рабство (особенно охотно покупали Жиды въ Корсуни; но невольники славянскіе славились и въ отдаленной Азіи, среди Арабовъ), или онъ держался въ оковахъ („колодники“), пока за него не приносили выкупа („окупъ“, „искупъ“), или, наконецъ, оставался въ самой

степи въ качествѣ невольника („челядь“); русскія плѣнницы часто попадали въ гаремъ своихъ похитителей. Полону русскаго уводилось въ степь ежегодно въ громадномъ количествѣ: при всякомъ набѣгѣ половецкомъ упоминается полонъ, при всякомъ взятіи Русскими вѣжъ Половецкихъ тѣ же колодники, тотъ же полонъ, то же „множьство душь крестьянскихъ“ [33]). Какъ много выводилось заразъ можно судить потому что въ 1160 году въ Смоленской волости „много зла створиша Половци, душь полониша *болѣе тьмы*, а иныхъ изсѣкоша“ [34]). При малолюдствѣ Русской земли того времени сумма болѣе 10.000 представляется поразительно громадною. Грустную картину рисуетъ намъ лѣтописецъ, глубоко прочувствованными и наболѣвшими словами повѣствуя о положеніи несчастныхъ плѣнниковъ, влачимыхъ въ степь: „Много страдаетъ роду христіанскаго: печальные, мучимые, зимою въ оковахъ, въ голодѣ и жаждѣ, съ лицами отощавшими отъ скорби, съ почернѣвшимъ тѣломъ, въ невѣдомой странѣ, нагіе и босые, съ ногами истерзанными терніемъ, съ воспаленнымъ языкомъ.... Со слезами отвѣчаютъ другъ другу, говоря: „я былъ изъ такого-то города“, другіе: „я изъ такой-то деревни“; такъ переспрашиваютъ другъ друга со слезами, повѣдая родъ свой, и вздыхаютъ, возводя очи къ небу, къ Всевышнему, который вѣдаетъ тайная“ [35]). Давно знакомымъ путемъ, истоптаннымъ русскими ногами, „Половецкою дорогою“, влеклись Русскіе плѣнники въ глубокую степь. Многіе изъ нихъ, какъ напримѣръ захваченные въ 1096 г. черноризцы, продаются жидовскимъ купцамъ въ Корсунь, и перепродаются въ отдаленнѣйшія страны или погибаютъ, не вынося мученій неволи [36]). Другіе караваны невольниковъ тянутся на Волгу, попадаютъ на рынки Великаго горо-

да Болгарскаго или дальше въ степь, за море Каспійское, и пропадаетъ самый слухъ объ нихъ, умираютъ они безвѣстно въ далекой чужбинѣ. Значительная часть плѣнниковъ, за которыхъ можно было ожидать искупу или окупу, содержатся въ колодахъ, въ вѣжахъ побѣдителей. Такими плѣнниками, за которыхъ можно было надѣяться получить значительный выкупъ, дорожили; ихъ положеніе было сравнительно хорошее. Такими плѣнниками были обыкновенно князья. Такъ напримѣръ Игорь Святославичъ, извѣстный герой Слова о полку Игоревѣ, проживая въ степи въ ожиданіи выкупа, окруженъ извѣстнымъ почетомъ („яко стыдящеся воеводства его"), оберегается стражею изъ 15 человѣкъ и 5 знатныхъ юношей половецкихъ („господевичи"), но у него есть и своя собственная прислуга изъ 5—6 человѣкъ, „сторожеве слушахуть его и чьстяхуть его;" онъ взятъ на поруки Кончакомъ, и потому ему дается извѣстная свобода; онъ развлекается ястребиною охотою, ему позволено даже привести себѣ священника изъ Руси („попа") [37]). Такихъ знатныхъ плѣнниковъ по вѣжамъ иногда набиралось много: такъ послѣ неудачнаго похода 1185 года четыре русскихъ князя очутились въ плѣну Половецкомъ. Другіе плѣнники подолгу должны были ожидать своего освобожденія, пока не являлись ихъ далекіе сродники, или князья, или нѣкоторые „христолюбцы", тратившіе свое достояніе на облегченіе доли ихъ страждущихъ соотечественниковъ. Одинъ изъ нашихъ древнихъ памятниковъ, именно житіе Никона Сухаго, монаха Печерскаго, живыми чертами рисуетъ намъ положеніе тѣхъ несчастныхъ узниковъ, которые почему-либо обманывали надежды своихъ похитителей на богатый выкупъ. Никонъ, захваченный въ плѣнъ, считаетъ это волею Божіею и потому отказывается отъ выкупа, ко-

торый предлагаетъ за него одинъ христолюбецъ, прибывшій изъ Кіева и искупившій „многи плѣнники“, а въ послѣдствіи и „свои“ родичи. Съ этого времени начинается мученье монаха, ибо пыткою думаетъ его владѣлецъ принудить его къ выкупу: „три года онъ проводитъ въ оковахъ и всякаго рода пыткахъ; его кладутъ на огонь, рѣжутъ ножами; онъ подвергается палящему зною, а зимою валяется на снѣгу и морозѣ; страдаетъ отъ голода и жажды: иногда день, иногда два и три не получаетъ онъ пищи“ [38]). То, что испытывалъ Никонъ Сухой, безъ сомнѣнія выпадало на долю многихъ. За око приходилось отвѣчать окомъ, за плѣнъ плѣномъ, и Русской землѣ поневолѣ приходилось подражать степнымъ обычаямъ: если русскій плѣнникъ увлекался въ степь и отпускался или за тяжелый выкупъ, или обращался въ рабство, то и русскіе люди отвѣчали тѣмъ же. Всякій захваченный Половчинъ считался выгодною доходною статьею, и такихъ плѣнныхъ иногда насчитывалось большое число, особенно у Торковъ. Князей среди Половцевъ насчитывалось множество, и потому они часто упоминаются въ русскомъ плѣну и предлагаютъ за себя выкупъ: кони, верблюды, буйволы, золото и серебро, „дѣвки“ [39]). При каждомъ удачномъ походѣ на Половцевъ мы встрѣчаемъ среди цѣнной добычи: „жоны, дѣти, красныя дѣвы Половецкія, челядь“. Изъ легендарнаго разсказа о Николаѣ Чудотворцѣ и плѣнномъ Половчинѣ мы узнаемъ, что такіе плѣнники жили въ Кіевѣ въ оковахъ, отпускались на поруки и обязывались внести за себя выкупъ, обыкновенно заключавшійся въ степномъ богатствѣ, въ стадѣ копей [40]). Многіе плѣнники оставались въ рабствѣ или передавались въ другія страны, вѣроятно въ Венгрію (такъ какъ Венгерскіе лѣтописцы часто упоминаютъ о

„юношахъ Половецкихъ“ въ числѣ даровъ Русскихъ [41]) и въ Византію, гдѣ, по современнымъ извѣстіямъ, русскіе купцы въ XII вѣкѣ вели торгъ невольниками (Вениаминъ Тудельскій). Не смотря однакоже на то, что плѣнные степняки бывали въ русскихъ рукахъ, соразмѣрности не было никакой: избытокъ съ лихвою оставался на половецкой сторонѣ.

Половцы не ограничивались однимъ разоренiемъ Русской земли, они мѣшали также ея сношенiямъ съ другими цивилизованными странами. Византiя имѣла громадное значенiе для развитiя русской жизни: оттуда шла наша религiя и цивилизацiя, здѣсь была единственная точка соприкосновенiя нашего съ античнымъ міромъ, благодаря идеямъ котораго развилась наша современная жизнь; однимъ словомъ, для Руси это былъ вопросъ жизни или смерти. Днѣпръ сдѣлался для нея ея главною артерiею. Дѣти пустыни и здѣсь сдѣлали все возможное, чтобы прекратить движенiе крови по этой артерiи. Намъ часто встрѣчаются лѣтописныя извѣстiя о нападенiяхъ половецкихъ на русскіе караваны, идущіе изъ Византiи и изъ-за Дуная. Самая природа южно-русская какъ бы содѣйствовала имъ: Днѣпровскіе пороги, „протолчье“, какъ и въ былыя времена для Печенѣговъ, такъ и для Половцевъ, представляли удобное мѣсто для засады. Въ 1170 году русскіе князья жалуются, что Половцы отняли у нихъ Греческій, Соляной и Залозный путь, т -е. всѣ важнѣйшіе торговые пути; имъ по неволѣ приходится отправляться на выручку „Гречникамъ“ и по цѣлому лѣту простанвать на протолчьи или въ Каневѣ [42]). У нашихъ предковъ были въ XII вѣкѣ поселенiя и города по Дунаю; здѣсь Половцамъ было полное раздолье: они грабили кубары съ товаромъ, захватывали русскихъ рыболововъ (1159)— и дунайскіе города безслѣдно ис-

чезаютъ изъ исторіи. Такимъ образомъ всюду, куда ни взгляпешь, сказывается на жизни нашихъ предковъ гибельное сосѣдство степи. Ихъ богатства переходятъ въ руки хищниковъ; Русь бѣднѣетъ и пустѣетъ, а между тѣмъ вѣжи грабителей изобилуютъ всякимъ добромъ: золотомъ и серебромъ, паволоками, дорогими онамитами, ортмами, япончицами, кожухами, разнымъ скотомъ; Русская земля стопетъ, а въ полѣ разгульное торжество степняковъ и красныя готскія дѣвы поютъ имъ побѣдную пѣснь, звеня русскимъ золотомъ [43]). Сама степь устами одного изъ вождей своихъ, Урусобы, достойно и откровенно сознается въ своемъ дѣлѣ: „Много зла створихомъ Русской земли“ [44]).

Были причины, значительно усиливавшія бѣдствія Руси и лежавшія не внѣ, а внутри ея самой. Дотатарская, южная Русь находилась на самой низкой степени государственнаго развитія. Первые князья—Варяжскіе витязи—нисколько не сознавали единства и связи своей страны, своей солидарности съ ея жителями; они бродятъ съ мѣста на мѣсто, собираютъ дань и „примучиваютъ“ своихъ данниковъ; Святославъ не хочетъ жить въ Кіевѣ, „хочу жити въ Переяславцѣ, говоритъ онъ, ту есть среда моей земли“; тотъ же князь-авантюристъ съ трудомъ отпускаетъ сына своего въ Новгородъ. Эти первые годы хаотической неурядицы прошли; побѣжденные слились съ побѣдителями, понятіе и границы Русской земли установились—но государство Русское отъ этого не создалось. И, хотя нельзя согласиться съ тѣми изслѣдователями, которые въ нашемъ древнемъ періодѣ не видятъ ничего иного, кромѣ дикой безурядицы, господства силы, когда каждый князь могъ добывать себѣ любой столъ, необходимо однако сознаться, что государственнаго порядка не было никакого.

1. Русь принадлежала Рюриковичамъ, и всякій изъ нихъ имѣлъ право на столъ („я не Угринъ и не Ляхъ", говаривалъ Русскій князь, чтобы мнѣ не было доли въ Русской землѣ), закона не было, но былъ обычай: лучшій столъ, конечно, отдавался старшему, соблюдая то правило, чтобы онъ былъ его отчиною, но это влекло за собою несогласіе и раздоры: родъ дробился и распадался на новые роды; трудно бывало иногда распознать кто старше; не всегда младшій, наконецъ, подчинялся требованію обычая. Результатомъ всего этого были постоянныя междоусобія губившія Русскую землю. Общаго центра не было. Кіевъ считался „матерью городовъ Русскихъ", и дѣйствительно здѣсь сосредоточивалась общественная и умственная жизнь Руси; отсюда, какъ изъ сердца, расходилась образованность по окраинамъ; но съ этимъ значеніемъ Кіевъ удержался не долго: въ XII вѣкѣ благоговѣйное уваженіе къ матери городовъ Русскихъ исчезаетъ: въ 1169 году онъ разграбленъ, сожженъ. Власть старшаго, слѣдовательно Кіевскаго, князя была также фиктивна: она основывалась также не на законѣ, а на обычаѣ, естественномъ послѣдствіи старшинства, на умѣ, могуществѣ, и очень часто на рядѣ—договорѣ. За отсутствіемъ общаго центра Русь въ XII вѣкѣ начинаетъ распадаться на центры частные. Такимъ образомъ Русской землѣ не доставало единства, которое всегда необходимо въ борьбѣ за безопасность отъ внѣшнихъ враговъ.

2. Князь Южной Руси не можетъ назваться государемъ—это князь, *предводитель дружины*. Съ дружиною онъ переходитъ съ мѣста на мѣсто, съ дружиною его связываютъ общіе интересы, но мы не замѣчаемъ такой солидарности между нимъ и землею, земствомъ. Земля сама по себѣ, князь самъ по себѣ, ихъ интере-

сы часто не сходятся между собою. Для примѣра можно вспомнить извѣстный отвѣтъ Кіянъ Изяславу II, звавшему ихъ на бой противъ Юрія Долгорукаго: „На Ольговичей и съ дѣтьми идемъ, и на Володимере племя руки подъяти не можемъ“—и князь въ рѣшительномъ бою остается одинъ съ своею дружиною. Такъ было повсюду на Руси: связь народа и правителя была какая - то внѣшняя, не органическая. Потому южный князь не привязывался къ той землѣ, въ которой княжилъ, легко переходилъ съ мѣста на мѣсто, удержалъ въ своей крови тѣ бродяжническіе инстинкты, которые такъ сильны были въ его предкѣ, Святославѣ. Образцомъ такого князя можетъ служить Мстиславъ Удалой, перебывавшій на своемъ вѣку и въ Смоленскѣ, и въ Кіевѣ, и въ Новгородѣ, и въ Галичѣ. Когда его уговариваютъ не покидать своей отчины, Кіева, онъ отвѣчаетъ: „а чѣмъ мнѣ не отчина Новгородъ?“ Этотъ отвѣтъ можетъ назваться характеристическимъ девизомъ нашего дотатарскаго князя.

Я остановился съ нѣкоторою подробностью на этихъ чертахъ государственной жизни нашихъ предковъ именно потому, что онѣ гибельно отзывались на ихъ борьбѣ со степью, и составляютъ одно изъ объясненій ея успѣховъ. Постоянныя междоусобныя войны заставляли князей ставить свои личные интересы выше интересовъ своего народа. Для князя было важно завладѣть тѣмъ или другимъ столомъ, но какимъ способомъ и страдала ли отъ этого земля, было для него вопросомъ второстепеннымъ. Удалыя степныя дружины казались удобнымъ средствомъ для увеличенія силъ своихъ, и вотъ князья не жалѣютъ денегъ („узводятъ златомъ“), чтобы набрать половецкіе вспомогательные отряды. Въ 1078 году Олегъ Святославичъ первый обратился къ

Половцамъ, и съ тѣхъ поръ не проходитъ почти ни одной усобицы, въ которой не принимали бы участіе степные полки. За золото и серебро охотно шли они на зовъ князей. Неразборчивые на средства, они часто шли на себя. Нѣкоторые князья находились въ постоянномъ союзѣ съ князьями степными, и такіе союзы очень часто скрѣплялись брачными союзами. Мы не знаемъ ни одного случая, чтобы русскія княжны выходили замужъ за половецкихъ вождей, но за то красныя дѣвы половецкія очень часто встрѣчаются женами русскихъ князей, начиная съ Святополка, женившагося на дочери Тугоръ-хана, и Юрія Долгорукаго, женившагося на дочери Аспы.

Такимъ образомъ Русь родилась со степью въ лицѣ своихъ правителей. Этотъ шагъ былъ рѣшительный, потому что имъ, вопреки мнѣнію народному, преодолѣвались тѣ естественныя національныя преграды, которыя лежали между сыномъ степи и сыномъ цивилизованной страны. Въ представленіи обыкновеннаго Русскаго человѣка того времени Половчинъ рисовался въ трехъ видахъ: *хищника*, *дикаго* и *поганаго*. Русскіе люди, сравнивая себя съ кочевниками, не могли не сознавать своего національнаго, умственнаго, нравственнаго и общественнаго превосходства надъ ними. Какъ подобное же самосознаніе заставило древнихъ Грековъ выдѣлить себя изъ среды сосѣдей, заклеймивъ этихъ послѣднихъ именемъ варваровъ, такъ и древняя Русь отдѣлила себя въ своемъ сознаніи отъ степняковъ, назвавъ ихъ *дикими*. Словомъ „дикіе“ наша лѣтопись безразлично называетъ какъ Половцевъ, даже родственниковъ княжьихъ, такъ и Черныхъ Клобуковъ; послѣдніе, такъ какъ они находятся уже подъ верховною властью русскихъ князей, въ отличіе отъ первыхъ на-

зываются „дикіе свои“. Съ понятіемъ о дикомъ неразрывно связано было понятіе о чемъ-то нечистомъ; вотъ почему первый нашъ лѣтописецъ сообщаетъ намъ, что Половцы „ядятъ мертвечину и всю нечистоту, хомѣки и сусолы“ и т. д. [45]). Здѣсь не одинъ только отголосокъ византійскихъ представленій, а естественное отвращеніе, которое цивилизованный Кіевлянинъ питалъ къ своему дикому, грязному сосѣду. Тѣмъ же взглядомъ объясняется намъ то ироническое прозвище, съ которымъ выступаетъ въ лѣтописи половецкій богатырь Бонякъ—„шолудивый“ [46]). Византійская наука является на помощь естественному чувству и подсказываетъ нашему грамотею, что Половцы потому нечистые человѣки, что они ведутъ свой родъ отъ Лота, находятся въ родствѣ съ тѣми нечистыми племенами, которыя заклепаны были, по преданію, Александромъ Македонскимъ въ сказочной пустынѣ Этривской [47]).

Но не одинъ только низкій уровень степнаго развитія пробуждалъ въ Русскомъ сознаніе своего превосходства: была еще причина, которая быть-можетъ дѣйствовала еще сильнѣе. Половцы были *поганые*, т. е. язычники. Въ этомъ пунктѣ взгляды церкви и ея представителей совершенно сходились со взглядами всего народа. Таково было отношеніе Руси къ степнякамъ: теперь „дикій, поганый хыщникъ“ дѣлался родственникомъ княжескимъ.

Княжны половецкія принимали христіанство, русѣли [48]), но тѣмъ не менѣе родственныя связи не прекращались, и у князей русскихъ появлялись въ вѣжахъ „дикіе ун“, тести, „сваты“ и т. д., которые очень часто, конечно, опустошали владѣнія своихъ цивилизованныхъ родственниковъ, но также часто находились съ ними въ тѣсномъ союзѣ, являлись по требованію на помощь и т. д.

Степныя дружины русскихъ князей расправлялись въ Русской землѣ по своему: своими собственными руками Русь отдавала себя на жертву степи. Какъ и во время самостоятельныхъ набѣговъ, пожаръ и разореніе указывали на путь Половецкій, тысячи плѣнниковъ уводилось въ вѣжи. Князья и не желали, и не могли помѣшать своимъ дикимъ союзникамъ, потому что въ противномъ случаѣ они „гнѣвались“ и легко покидали своихъ друзей. Образцомъ того разоренія, какое чинили они въ нашей землѣ, можетъ служить взятіе Кіева Рюрикомъ и Ольговичами и *всею Половецкою землею* въ 1203 году.

„И створися велико зло,“ говоритъ лѣтописецъ, „въ Русстѣй земли, якого же зла не было отъ крещенья надъ Кыевомъ; напасти были и взятья, не яко же нынѣ зло се стася: не токмо Подолье взяша и пожгоша, иное гору взяша и митрополью святую Софію разграбиша, и Десятинную Святую Богородицю разграбиша, и монастыри всѣ, и иконы одраша, а иныя поимаша, и кресты честныя, и ссуды священыя, и книгы, и порты (одежды) блаженыхъ первыхъ князьи, то все положиху собѣ въ полонъ.... То все стася надъ Кіевомъ за грѣхи наша: черньци и черници старыя изсѣкоша, и попы старыя, и слѣпыя, и хромыя, и сухія, и трудоватыя, та вся изсѣкоша, а что черньцовъ инѣхъ и черниць инѣхъ, и поповъ, и попадей, и Кіяны, и дщери ихъ и сыны ихъ, то все ведоша иноплеменници въ вѣжи къ собѣ“ [49]).

Такого разоренія, дѣйствительно, никогда еще не бывало въ Кіевѣ, и жители степи никогда не могли бы своими средствами достигнуть того, что имъ дано было русскими же руками.

Тяжелыми страданьями, видимъ мы, выкупала Русская земля междоусобія своихъ князей и дорогою кровью

покупала помощь ихъ дикихъ союзниковъ. Нѣтъ ничего удивительнаго послѣ того, что угроза отдать на воропъ, на разграбленіе Половцамъ была самымъ убѣдительнымъ средствомъ къ сдачѣ осажденнаго города [49*]): живые примѣры были у всѣхъ на глазахъ и наполняли душу каждаго невольнымъ содроганіемъ. Въ виду такихъ бѣдствій Русская земля не ограничивалась одною оборопою. Невыносимыя страданія возбуждали Русскихъ людей къ наступательному дѣйствію противъ степи, идти въ самый притонъ грабителей, разореніемъ отомстить за разореніе. Значительная часть Руси XII-го и XIII-го вѣковъ есть исторія ея борьбы со степью, борьбы во всѣхъ ея видахъ, безпощадной и непрестанной. Лучшіе русскіе князья не могли равнодушно выносить вида страданій земли: „Половцы землю нашу несуть розно“, говорили они; ихъ брала „жалость по отчинѣ и дѣдинѣ своей“; они рѣшались забыть на время свои распри и соединиться въ виду общей опасности. Тогда предпринимались общіе походы въ степную глубь. Обыкновенно который-нибудь изъ князей бралъ на себя инпціативу дѣла, собиралъ другихъ. „Братье“! говоритъ въ 1170 году Мстиславъ II, „пожалѣтеся о Русской земли, о своей отцинѣ и дѣдинѣ“. „Дай намъ Богъ за Русскую землю головы свои сложити и къ мученикомъ причтеномъ быти“ [50]), отвѣчаютъ ему другіе князья. Въ такія минуты одушевленія сказывалось нравственное единство Руси; отказаться отъ участія въ походѣ значило возбудить противъ себя общее негодованіе: Олегъ Святославичъ въ подобномъ случаѣ едва усидѣлъ на своемъ столѣ и подвергся обвиненію въ томъ, что онъ „ся Половцемъ приложилъ“ [51]). „Не дай Богъ, говоритъ герой Слова о полку Игоревѣ, на поганыя ѣздя ся отрещи, поганы есть всимъ намъ объ-

чій ворогъ“ [52]). Съ глубокимъ сочувствіемъ слѣдили въ народѣ и встрѣчали такія предпріятія, и лѣтописецъ не иначе начинаетъ разсказъ объ нихъ, какъ словами: „вложи Богъ мысль благу въ Русскихъ князей дерзнути на Половцевъ“. И дѣйствительно, послѣ всего вышесказаннаго, намъ ясно, что Русскій человѣкъ въ такомъ дѣлѣ не могъ не видѣть благаго Божьяго внушенія. Несочувственно относился Русскій человѣкъ къ тѣмъ князьямъ, которые наводили поганыхъ на его землю, не внимали его страданьямъ; горькимъ, наболѣвшимъ укоромъ звучатъ слова Печерскаго монаха, обращенныя къ Олегу Святославичу: „се уже третье наведе поганыя на землю Руськую; *его же грѣха дабы и Богъ простилъ*, занеже много хрестьянъ изгублено есть, а другіи полонени и расточени по землямъ“ [53]). Лѣтописецъ XII-го вѣка, объяснивъ, что Половцы враги Божьи, ядовито намекаетъ, не называя никого по имени, на дружественныя связи нѣкоторыхъ князей съ ними: „*то аще кто любитъ врагы Божіи, то сами что пріимутъ отъ Бога?*“ [54]). Даже тѣ князья, которые совѣщались съ Половцами, принимали ихъ совѣты, возбуждали подозрѣніе: авторъ кіевскаго сказанія о битвѣ при Калкѣ (помѣщеннаго въ Новгородской I), написаннаго въ тонѣ крайне враждебномъ Половцамъ, обвиняетъ иносказательно князей даже за то, что они послушались вѣковѣчныхъ враговъ своихъ и пошли на Татаръ [55]). Устами лѣтописца во всѣхъ этихъ случаяхъ говорили чувство и взглядъ цѣлаго народа. Тѣмъ съ большею любовью относился народъ къ тѣмъ изъ своихъ князей, которые внутреннимъ чутьемъ понимали его чувства, роднились съ его интересами, болѣли его ранами и не щадили трудовъ и жизни, *страдали* за Русскую землю. Во главѣ этихъ страдальцевъ стоитъ *Вла-*

димірѣ Мономахѣ: онъ болѣе всѣхъ князей велъ борьбу съ Половцами, болѣе всѣхъ своимъ личнымъ, гуманнымъ вліяніемъ умѣлъ умиротворять другихъ князей и объединять ихъ для общаго дѣла, болѣе всѣхъ, наконецъ, умѣлъ свои личныя выгоды подчинять интересамъ земли. Достаточно указать на одинъ случай его жизни: онъ уступаетъ Черниговъ Олегу „жалився, по его собственнымъ словамъ, хрестьяныхъ душъ и селъ горящихъ и монастырь, и рѣхъ: *не хвалитися погапымъ*“ [56]). Къ такому самоотверженію и забвенію личныхъ выгодъ были способны немногіе. Этимъ объясняется та громадная популярность, которою онъ пользовался при жизни и по смерти, популярность, простиравшаяся и на его потомковъ: „на Володимере племя руки подъяти не можемъ“, говорятъ Кіевляне. Авторъ Кіевской второй лѣтописи, сравнивая Владиміра съ солнцемъ, своими лучами освѣщавшимъ Русскую землю, не упускаетъ случая замѣтить, что онъ „паипаче бѣ страшенъ погапымъ“ [57]). Долго хранится память о доблестномъ князѣ, и еще въ XIII вѣкѣ, въ похвалѣ Роману Волынскому, въ поэтическихъ чертахъ вспоминается о грозѣ Владиміровой: „Ревноваше дѣду своему Мопомаху, погубившему поганыя Измалтяны.... Володимеръ Мономахъ пилъ золотомъ шоломомъ Донъ, пріемше землю ихъ всю и загнавшю окаяныя Агаряны“ [58]). Говоря о подвигахъ Мстислава Великаго, лѣтописецъ съ увлеченіемъ сообщаетъ, что онъ загналъ поганыхъ „за Донъ, за Волгу, за Яикъ“ [59]). Вообще въ XII вѣкѣ борьба наша со степью принимаетъ особенно рѣзко характеръ національной и религіозной войны. Не нужно забывать, что въ это время вся Европа, охваченная общимъ чувствомъ, общею идеею, съ неудержимымъ увлеченіемъ шла войною на Азію: это было время крестовыхъ походовъ. Наша борьба со

степью была тѣмъ же непрерывнымъ крестовымъ походомъ. Общее увлеченіе всей Европы сказывается и у насъ: нашъ лѣтописецъ, забывая религіозную рознь, съ чувствомъ глубокаго сочувствія упоминаетъ о крестоносцахъ: „сіи же *Нѣмци, яко мученики святіи*, прольяша кровь свою за Христа, со цари своими“ [60]); изъ одного и того же источника вырывается похвала страдальцу западному за вѣру и Христа и страдальцу нашему за вѣру и Русь. Въ столкновеніи со степью выростало и развивалось національное чувство, любовь къ родинѣ. Русская земля, несомая розно не одними степняками, но и самими князьями, теперь въ ихъ сознаніи выростала до идеальной высоты: за Русскую землю чувствовали они жалость, за Русскую землю готовились сложить свои головы; глубокимъ и вмѣстѣ тоскливымъ патріотическимъ чувствомъ дышетъ извѣстная припѣвка Слова о полку Игоревѣ: „О, Русское земле, уже за шеломянемь еси!“ ибо только въ степи Русскій человѣкъ научался цѣнить свою родину, горячею любовью къ ней начинало биться его сердце и сжималось тоскою при видѣ ея страданій. Кромѣ характера національнаго, борьба эта, вслѣдствіе различія вѣры, подобно крестовымъ походамъ, необходимо должна была получить оттѣнокъ религіозный. Русскіе князья бьются съ „погаными“, „врагами божьими“, слѣдовательно бьются за вѣру, какъ и крестоносцы, готовы сдѣлаться ея исповѣдниками, мучениками. Половцы „враги божьи“, и потому всякая побѣда надъ ними есть дѣло рукъ Божіихъ. Передъ походомъ князья усердно молятся Богу, приносятъ дары монастырямъ и церквамъ, однимъ словомъ они ясно сознаютъ, что предпринимаютъ что-то необыкновенное, что-то во славу Божію. Иногда это одушевляющее сознаніе складывается въ опредѣленное

сказаніе о помощи ангельской. Такова напримѣръ легенда о походѣ 1111 года: „И посла Богъ ангела въ помощь русьскымъ княземъ“, говоритъ современникъ; „Богъ вышній возрѣ на иноплеменникы со гнѣвомъ, падаху предъ хрестьяны“; „падаху Половцы.... невидимо бьеми ангеломъ, яко се видяху мнози человѣци, и главы летяху невидимо стинаемы на землю“. Плѣнные Половцы говорятъ: „како можемъ битися съ вами? а другіе ѣздяху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помогаху вамъ“. „Токмо се суть ангели, высказываетъ свое мнѣніе лѣтописецъ, се бо ангелъ вложи въ сердце Володимеру Мономаху поустити братью свою на иноплеменникы“ [61]). Относительно набѣговъ и разореній является особое религіозное представленіе. „Поганые“—это наказаніе Божіе за грѣхи, это бичъ Божій—таково общее представленіе всѣхъ христіанскихъ средневѣковыхъ народовъ, и въ Аттилѣ, прозванномъ „flagellum Dei“, впервые эта мысль нашла себѣ воплощеніе. Русскіе, по крайней мѣрѣ ихъ образованные представители, усвоили себѣ совершенно тотъ же взглядъ. Уже преп. Ѳеодосій, игуменъ Печерскій, опредѣленно высказалъ эту мысль въ своемъ поученіи о казняхъ Божіихъ и даже приводитъ ее къ правильной системѣ: «наводитъ Богъ по гнѣву своему, говоритъ онъ, казнь каку либо или поганыя, зане не встягнемъ къ Богу „.... странѣ убо согрѣшившей коей любо казнитъ Богъ смертью, или гладомъ, или наведеньемъ поганыхъ“, между тѣмъ какъ „усобная рать бываетъ отъ соблажненья діаволя и отъ злыхъ человѣкъ“ [62]). Взглядъ Ѳеодосія на столько сродпился съ людьми, безпрерывно страдавшими отъ степныхъ набѣговъ, что въ лѣтописяхъ мы постоянно встрѣчаемся съ нимъ. Не только встрѣчаемся мы постоянно съ выраженіями въ родѣ: „грѣхъ ради нашихъ попусти

Богъ на ны поганыя", но самое слово Осодосія очевидно лежитъ въ основѣ этихъ жалобъ. Первоначальная наша лѣтопись внесла большую часть этого слова, почти безъ измѣненій, на свои страницы подъ 1067-мъ годомъ [63]), и самое появленіе Половцевъ старается объяснить наказаніемъ Божіимъ за клятвопреступленіе Ярославичей противъ Всеслава [64]). Къ тому же мотиву лѣтописецъ возвращается многократно („согрѣшихомъ, казними есмы") и, наконецъ, прямо высказываетъ, что поганые *„батогъ Божій"* [65]). Лѣтопись конца XII вѣка буквально повторяетъ тѣ же слова [66]). Проводя однакоже такой взглядъ, лѣтописецъ-монахъ рѣзко отвергаетъ возможность предположенія, что успѣхи поганыхъ суть слѣдствіе милости Божіей къ тѣмъ, которые такъ жестоко мучатъ и грабятъ христіанъ, не сдерживаются уваженіемъ къ святынѣ—они „на ономъ свѣтѣ пріимуть муку съ діаволомъ за разореніе церквей"; Половцы враги не только христіанъ, но и самого Бога [67]), и потому, если Богъ и дастъ имъ побѣду, то *„не яко ихъ милуя, но насъ кажа"* [68]).

Но не одни только національные и религіозные мотивы руководили войной двухъ народовъ: какъ и въ крестовыхъ походахъ, здѣсь есть еще третья сторона. Въ этой дикой борьбѣ была своя удаль, свое увлеченіе самою борьбою, просторъ для личныхъ рыцарскихъ подвиговъ, своя дикая поэзія: и съ той, и съ другой стороны подчасъ бьются не за одни только ближайшіе насущные интересы, но и за славу, за военное превосходство. Даже въ дикомъ половецкомъ хищникѣ просыпались лучшіе инстинкты, и для него иногда борьба, кромѣ цѣли грабежа и разбоя, принимала характеръ рыцарскаго поединка. Что-то рыцарское чувствуется намъ невольно въ словахъ Кончака въ 1185 году: „идемъ

Перѣяславлю, говоритъ Кза, гдѣ остались наши жены и дѣти, готовый полонъ"; „нѣтъ, отвѣчаетъ половецкій рыцарь, идемъ на Кіевскую сторону, гдѣ убита наша братья и великій князь нашъ Бонякъ» [69]). Чѣмъ-то рыцарски удалымъ отзываются подвиги Боняка и похвальба его сына. Именно съ этой точки зрѣнія удалецъ русскій могъ залюбоваться на подвиги удальца половецкаго и съ восторгомъ назвать его „соколомъ". И русская дружина искала „себѣ чти, а князю славы". И у насъ есть рыцари, подобные западно-европейскимъ: свой Готфридъ Бульонскій—Владиміръ Мономахъ, свой Ричардъ Львиное Сердце—Романъ Храбрый. Ричардъ за львиные свои подвиги получаетъ свое прозвище, его именемъ пугаетъ Сарацинъ своего коня, его жена– своего ребенка; совершенно тождественныя черты являются и въ нашемъ Романѣ, который „устремилъ бо ся бяше на поганыя яко левъ, сердитъ же бысть яко рысь, и губяше яко коркодилъ, и прехожаше ихъ землю, яко и орелъ, храборъ бо бѣ яко и туръ" [70]), „имъ же Половци дѣти страшаху" [71]). Къ числу такихъ же рыцарей принадлежатъ и знаменитые Игорь и Всеволодъ Буй-Туръ, подвиги которыхъ вдохновили пѣвца Слова о полку Игоревѣ. Это послѣднее все проникнуто насквозь рыцарскимъ чувствомъ и знакомо, полагаю, на столько всякому, что останавливаться было бы излишнимъ. Замѣтимъ только, что одинаковыя условія влекутъ за собою одинаковыя послѣдствія: какъ вѣчная крестовая война жителей Пиренейскаго полуострова съ мусульманами пробудила поэтическое вдохновеніе и вызвала знаменитый романсеро, пѣсни о подвигахъ Сида Вонтеля, такъ и наша борьба со степью вызвала свой романсеро, изъ котораго Слово о полку Игоревѣ есть единственное дошедшее до насъ, но, несомнѣнно, не единственно суще-

ствовавшее произведеніе. Дышащія, напримѣръ, поэтическимъ увлеченіемъ рѣчи Волынскаго лѣтописца о Владимірѣ Мономахѣ, о Романѣ, его полумиѳическія выраженія о Кончакѣ („сносе Сулу, пѣшь ходя, котелъ нося на плечевѣ“ [72]) невольно заставляютъ предполагать заимствованіе изъ какихъ-то пѣсенъ Есть извѣстіе, что поэтическое вдохновленіе не обошло и Половцевъ [73]).

Общіе походы русскихъ князей въ степь обыкновенно имѣли самый блистательный исходъ. Противъ соединеннаго стройнаго напора европейскихъ войскъ не могла устоять нестройная сила половецкая, несмотря на всю ихъ массу, такъ что русскіе князья, видя идущіе на нихъ „аки борове“ полки половецкіе, удивлялись сами своему успѣху (въ 1111 году) и приписывали его вмѣшательству небесныхъ силъ. Не могъ помочь и „живой огонь“, нѣчто въ родѣ пороху, принесенный Кончаку какимъ-то бесермениномъ (въ 1185 году). Побѣдители заходили въ самую глубь степи, преслѣдуя и разыскивая своихъ враговъ, до самаго далекаго Дона и Лукоморья (т.-е. Азовскаго моря), и жестоко отплачивали за муки, вытерпѣнныя отъ поганыхъ. Трупы половецкіе массами покрывали поле, и множество плѣнныхъ оставались въ русскихъ рукахъ. Такъ въ 1183 году однихъ плѣнныхъ захвачено было 7000; одинъ Владиміръ Мономахъ на своемъ вѣку по собственнымъ словамъ, избилъ до 200 князей и до 100 выпустилъ изъ плѣна. Вѣжи и города разорялись, несмѣтное богатство доставалось въ руки побѣдителей. Шѣвецъ Слова о полку Игоревѣ рисуетъ намъ картину послѣдствій такого удачнаго похода: „помчаша красныя дѣвкы половецкія, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты, ортъмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязовымъ мѣстомъ и всякыми узорочьи половецкыми“. „Велика

радость“ была въ Русской землѣ, по словамъ лѣтописца, послѣ такой удачи: и личное обогащеніе, и сознаніе исполненнаго долга, и надежда на будущее успокоеніе веселили сердце Русскаго человѣка. Но такое веселье было непродолжительно, и блистательные походы не приносили ожидаемой пользы. Большинству легко подвижныхъ вѣжъ половецкихъ удавалось легко уйти отъ погрома, силы степи оказывались неистощимыми, и легко пополнялся въ ея рядахъ понесенный уронъ: послѣ каждаго подобнаго похода набѣги производились съ удвоенною силою. Къ тому же самыя общія эти предпріятія Русской земли были чрезвычайно рѣдкимъ явленіемъ: всего 4—5 можемъ мы насчитать ихъ за весь періодъ въ 150 лѣтъ (главныя въ 1103, 1111, 1170, 1183 годахъ). Немного находилось людей, подобныхъ Владиміру Мономаху, могучихъ своимъ идеальнымъ для вѣка благородствомъ: большинство забывало интересы земли и жизнь „сѣяшется и растяшеть усобицами... въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скороташася“. Въ такія времена Половцы, какъ мы уже видѣли, проникали въ глубь нашей земли, злѣйшіе враги народа вступали въ сердце его, вводимые его собственными князьями... Въ такія эпохи не могло быть общихъ походовъ, а отдѣльныя, самыя блистательныя, предпріятія или не достигали цѣли, или оканчивались неудачею, подобно Игореву полку. Съ горькою тоскою приходилось вспоминать о старыхъ временахъ, временахъ Мономаха: „О, стонати Русской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей! Того стараго Владиміра (Мономаха) нелзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевьскымъ!“ Военная борьба при такихъ обстоятельствахъ или была немыслима, или мало помогала: приходилось прибѣгать къ другимъ средствамъ. Такимъ средствомъ,

менѣе почетнымъ конечно, но за то, быть-можетъ, болѣе вѣрнымъ, была уплата извѣстной суммы денегъ за „миръ," дань своего рода, въ родѣ тѣхъ „поминковъ", которые въ XVI-мъ и XVII-мъ вѣкѣ посылались отъ Москвы въ Крымъ. Дѣйствительно, собирая отрывочныя извѣстія лѣтописи, можно убѣдиться, что уже въ XII и XIII-мъ вѣкѣ Русская земля платила тяжелую дань, „*мира* дѣля", своимъ степнымъ сосѣдямъ, дань тѣмъ болѣе тяжелую, что она не обезпечивала ея безопасности. Святополкъ первый (въ 1095 г.) „омири" Половцевъ, и съ того времени на долю каждаго новаго князя или послѣ каждаго новаго погрома выпадала обязанность позаботиться объ этомъ предметѣ. Обыкновенно дѣло происходило такъ, что половецкіе князья являлись на границу (въ Кіевской землѣ обыкновенно въ Каневъ) на „*снемъ*" съ Русскими и, получая „дары многи" сговаривались о „мирѣ", т. е. уговаривались о ежегодной суммѣ, за которую продавали свой миръ. Предлагались иногда и другія требованія, какъ напримѣръ выдача плѣнныхъ, но на такія условія рѣдко соглашались. Если обѣ стороны соглашались, то устанавливался „рядъ", давались „тали" (заложники), „межи собою", и все скрѣплялось въ заключеніе „*ротою* Половецкою". Каждое колѣно Половецкое мирилось обыкновенно отдѣльно[74]). Дорого обходилось Руси это послѣднее средство борьбы со степью, борьбы денежной, но и оно не приводило къ утѣшительнымъ результатамъ. Далеко не всѣ роды половецкіе приходили на миръ, другіе являлись только съ цѣлію высмотрѣть что нужно, получали „дары многи" и тайно убѣгали, чтобы вскорѣ возвратиться въ дикомъ набѣгѣ [75]). Къ тому же никакія нравственныя преграды для дикаго сына степи не существовали, для дикаго хищника всѣ средства

были позволены для достиженія цѣли наживы, онъ коварно нарушалъ всякія роты. Горькимъ опытомъ должны были убѣдиться въ этомъ Русскіе люди и, конечно, не одинъ изъ нихъ и не разъ долженъ былъ повторить себѣ горькое восклицаніе Владиміра Мстиславича: „*не дай Богъ вѣры имати поганому николиже!* [76]) Трудно представить себѣ, какое глубокое ожесточеніе должно было возбуждать въ нашихъ предкахъ неудачное приложеніе этого послѣдняго средства, эта невозможность положиться на слово и клятву степнаго сосѣда. Даже у лучшихъ людей является жажда возмездія; если поганый измѣняетъ безпрестанно клятвѣ, то и съ нимъ заключенную роту можно преступить: „*нѣтъ въ томъ грѣха*“. Такъ убѣждаетъ дружина Владиміра Мономаха и заставляетъ благороднѣйшаго Русскаго князя согласиться на далеко не благородное убійство прибывшаго къ нему князя Половецкаго Итларя и его людей [77]). Большинство русскихъ князей не только сочувственно относится къ этому поступку, но даже довершаетъ его, требуя отъ Олега Святославича выдачи находящагося у него Итларевича, и когда Олегъ не выдаетъ его, не измѣняетъ данному слову, то подвергается со стороны Владиміра прямому упреку, что онъ „ся бяше Половцамъ приложилъ“ [78]). Въ походѣ 1103 года взятъ въ плѣнъ князь Болдюзь и предлагаетъ за себя выкупъ; „вспомни, говоритъ ему Владиміръ, давали вы клятву? Много разъ ходили вы къ присягѣ и все-таки нападаете на Русскую землю. Зачѣмъ не приказывалъ ты сыновьямъ своимъ и роду своему не преступать присяги? Будь кровь твоя на головѣ твоей!“—и плѣнный князь, разрубленный въ куски, приносится въ жертву справедливому негодованію и естественному ожесточенію [79]). Такихъ случаевъ было вѣроятно много.

Коварство хищника доходило до того, что онъ безъ зазрѣнія совѣсти подымалъ руку на своего союзника: когда Русскіе поднялись на защиту самихъ Половцевъ противъ Татаръ и потерпѣли пораженіе при Калкѣ, степняки убивали бѣгущихъ Русскихъ воиновъ „изъ за коня и порта“ [80]). Что удивительнаго послѣ всего вышесказаннаго, что преобладающимъ чувствомъ Русскаго человѣка по отношенію къ его вѣроломному, хищному сосѣду, была глубокая ненависть, что всякое бѣдствіе половецкое вызывало въ немъ радостное чувство, что не безъ злобной радости лѣтописецъ передастъ намъ о томъ, какъ Татары разорили Куманскую страну и „Половцы изомроша, убиваеми Божіимъ гнѣвомъ“ [81]).

Здѣсь намъ пора остановиться. Мы разсмотрѣли отношенія степи къ Руси XII-го вѣка, преимущественно основываясь и говоря ея собственными устами; мы видѣли какія средства употребляли наши предки, чтобы сколько-нибудь избавиться отъ пагубнаго сосѣдства; мы видѣли какъ стонала и страдала Русская земля. Теперь мы можемъ подвести итоги. Непосредственное вліяніе поля было несомнѣнно гибельное, оно задержало историческое развитіе нашего народа.

1. Южная Русь, такъ много и часто разоряемая, бѣднѣла и пустѣла. Ея населеніе гибло въ степныхъ набѣгахъ или уводилось въ плѣнъ, или уходило, наконецъ, въ болѣе безопасныя мѣста. „Земля моя пуста стала“ отъ Половцевъ, говоритъ Владиміръ Глѣбовичъ Переяславскій (въ 1183 г.); „мои города пусты, жалуется другой пограничный, Черниговскій, князь: въ нихъ живутъ псари да Половцы“. Населеніе уходило съ благословеннаго Юга на Сѣверъ далекій, скудный и негостепріимный, покрытый лѣсами и болотами, уходило изъ цивилизован-

ной страны въ дикую глушь, съ торжища народовъ въ уединенную келью: степь заставила Русскаго человѣка сдѣлать попятный шагъ въ своемъ развитіи.

2. Цивилизація, какъ мы уже упоминали, шла къ намъ преимущественно съ Юга, изъ античнаго его центра, Византіи, Царя-города Европы въ полномъ смыслѣ слова. Степь заложила пути къ этому центру просвѣщенія, отняла всѣ точки соприкосновенія съ нимъ. Олешье при устьѣ Днѣпровскомъ осталось единственнымъ, незначительнымъ окномъ, изъ котораго наши предки могли обозрѣвать цивилизованную Европу, нашимъ Петербургомъ XII-го вѣка.

3. Степь оказала гибельное, растлѣвающее нравственное вліяніе на русское общество. Мы уже видѣли, какъ сосѣдство Половцевъ повліяло на нашихъ князей, получавшихъ возможность распоряжаться степною силою, но мы не сказали еще ничего о вліяніи степи вообще на характеръ народа. Южнорусскій человѣкъ по характеру своему показывалъ большую наклонность къ передвиженію, бродяжничеству, исканію приключеній. Степное сосѣдство оказало значительное вліяніе на развитіе этой черты характера. Широкая привольная степь манила его своимъ нестѣсненнымъ просторомъ, своимъ беззавѣтнымъ и вольнымъ разгуломъ. Онъ покидалъ свою родину, шелъ въ поле „поляковать“, какъ выражаются наши былины, становился «бродникомъ». Это русское слово, только гораздо позднѣе, замѣнилось татарскимъ „казакъ“. Степная жизнь всѣхъ сравниваетъ между собою, и русскій степной удалецъ ничѣмъ не отличался отъ богатыря половецкаго: онъ былъ тотъ же разбойникъ, хищникъ. Если наше казачество въ позднѣйшее время принесло свою историческую пользу, въ Великой Руси, разнося ея окраины,

въ Малой, ополчившись за вѣру и народность, то нѣтъ сомнѣнія, въ основѣ его тѣмъ не менѣе лежитъ элементъ враждебный общественной жизни и цивилизаціи. Именно съ этимъ враждебнымъ развитію характеромъ выступаетъ оно въ XII-мъ столѣтіи. Наши лѣтописныя извѣстія о древнѣйшихъ русскихъ казакахъ скудны, но насколько можно заключить изъ нихъ, эти казаки подъ именемъ *выгонцевъ* и *бродниковъ* встрѣчаются въ степи и на Дунаѣ, и по обоимъ берегамъ Днѣпра [82]). Въ половинѣ XII-го вѣка ихъ сосредоточіемъ является Берладъ на Дунаѣ; во главѣ ихъ становится Рюриковичъ, не получившій доли въ Русской землѣ, Иванъ Ростиславичъ, прозванный Берладникомъ. Бурную жизнь ведетъ этотъ князь-бродяга: то нападаетъ на Галичскую землю, то грабитъ караваны судовъ на Дунаѣ, то захватываетъ Олешье, то на службѣ у Кіевскаго князя Изяслава Давыдовича, то въ общихъ дѣлахъ и дружбѣ съ Половцами [83]). Всѣмъ сосѣдямъ тяжко приходится отъ его разбойнической дѣятельности, и не даромъ въ 1159 году король Венгерскій, князья польскіе и большинство русскихъ князей присылаютъ пословъ къ его покровителю Изяславу и требуютъ, чтобы онъ отступился отъ своего подручника. Послѣ многихъ треволненій князь-бродяга умираетъ, отравленный въ далекой Греціи. Бродники продолжаютъ существовать и въ XIII-мъ вѣкѣ. Каковъ былъ нравственный строй этихъ людей, насколько они подчинялись степной жизни и отрекались отъ преданій родины, можно всего нагляднѣе видѣть изъ ихъ поведенія во время татарскаго нашествія. Когда русскіе князья, разбитые при Калкѣ, заперлись въ наскоро, изъ кольевъ, устроенномъ укрѣпленіи, „ту же и Бродници съ Татары быша и воевода Плоскыня и тъ окаяный вос-

вода, *цѣловавъ крестъ честный* къ Мьстиславу . . яко ихъ не избити, нъ пустити ихъ на искупъ и *сама окаяныи, преда* ихъ извязавъ Татаромъ“ [84]). Такимъ образомъ, живя въ степи и степною жизнью, Русскій человѣкъ становился подобнымъ погапому, вѣроломнымъ измѣнникомъ своей присягѣ и своей родинѣ. Таковы результаты непосредственнаго вліянія степи на Русь.

Съ другой стороны нельзя, конечно, отрицать и вліяніе обратнаго. Цивилизація и вѣра Руси не могли не оказать своего вліянія на степняковъ, но цивилизація вообще труднымъ и медленнымъ путемъ находитъ себѣ доступъ въ степи. Съ конца XII-го вѣка мы встрѣчаемся съ такими именами половецкихъ князей, какъ *Гзъ* Тиріевичъ, *Романъ* Кзичъ, *Ярополкъ* Томзаковичъ, *Данило* Кобяковичъ, *Юрій* Кончаковичъ [85]). Нѣтъ сомнѣнія, это сыновья русскихъ Полюпянокъ и половецкихъ князей. Такіе полурусскіе, полуполовецкіе по крови князья встрѣчались, конечно, и прежде [86]), но не носили русскихъ именъ: фактъ появленія подобныхъ именъ долженъ несомнѣнно указывать на зачинающійся извѣстный авторитетъ русской народности въ степи. Но это одиночныя явленія, и притомъ мы не замѣчаемъ особенно русскихъ наклонностей у этихъ людей. Христіанство тоже нашло себѣ доступъ среди степняковъ. Упомянутая уже легенда о св. Николаѣ можетъ показать намъ, какое впечатлѣніе могла производить на дикаго степняка русская жизнь. Изъ отрывочнаго указанія Печерскаго Патерика мы можемъ заключить, что съ XI-го еще вѣка нѣкоторые Половцы крестятся и даже дѣлаются монахами. Въ 1224 году крестился князь половецкій Бастій [87]) и, по свидѣтельству Татищева,

въ томъ же году, вѣроятно, въ виду татарскаго нашествія, крестилось много простыхъ Половцевъ и охотно принимались въ свою среду сельскими жителями. Хотя и эти извѣстія носятъ единичный характеръ, и половецкіе христіане не остаются въ степи, а переселяются на Русь, но мы не должны пренебрегать ими: они могутъ указать намъ на что-то зачинавшееся, новое; если это и не была побѣда Руси надъ степью, то, по крайней мѣрѣ, начало и возможность такой мирной побѣды, основанной на превосходствѣ цивилизаціи [88]). Во всякомъ случаѣ достовѣрно и несомнѣнно одно: половецкія силы, не смотря на ихъ значительность, не могли одолѣть Русской земли и если и повредили, то не разрушили задатковъ европейской осѣдлой жизни на берегахъ Днѣпра.... А тамъ, на Сѣверѣ далекомъ, въ Суздальской лѣсной тиши, зарождалась новая жизнь, которая мощно начинала вмѣшиваться въ дѣла Юга. Отъ князя, который могъ, по словамъ пѣвца, удалыми князьями, какъ живыми шерешпирами стрѣляти, шеломомъ Донъ вылить и веслами Волгу раскропить, Русская земля могла ждать себѣ спасенія и отъ степныхъ набѣговъ.

Многострадальной родинѣ нашей не суждено былъ однакоже такой естественный и близко, казалось, подступавшій исходъ. Степь еще не выставила въ бой всѣхъ своихъ силъ, съ нею пришлось еще посчитаться. Среди нашихъ пѣсенъ есть одна прекрасная былина, по-своему объясняющая намъ, отчего перевелись богатыри въ свято-Русской землѣ. Собрались богатыри наши, поетъ она, и расхвастались: подавай намъ силу нездѣшнюю, и мы съ той силой, витязи, справимся". И вотъ выходятъ по зову изъ земли два витязя: давайте съ нами,

витязи, биться. Налетѣлъ на нихъ одинъ богатырь русскій, разрубилъ со всего плеча—и стало ихъ четверо, налетѣлъ другой—стало вдвое больше. И сколько ни бились богатыри, „сила вражья все растетъ и растетъ, все на витязей съ боемъ идетъ.“ Умахались плечи могутныя, побѣжали русскіе богатыри, побѣжали и окаменѣли.... Не знаю на что намекаетъ наша поэтическая былина, но я вижу въ ней прекрасное изображеніе нашей борьбы со степью: сколько ни борются наши предки съ нею, а сила вражья все растетъ и растетъ, все съ боемъ идетъ... Въ концѣ XII-го и въ началѣ XIII-го вѣка въ Средней Азіи произошелъ тотъ степной переворотъ, который соединилъ безчисленныя монгольскія и торкскія племена подъ властью Татаръ. Еще никогда не было подобнаго неукротимаго порыва Азіи въ Европу. Передовая орда въ 1224 году ворвалась въ Куманскую степь: полегли старые враги Руси передъ невѣдомою страшною силою, но и русскіе трупы обильно устлали собою берега Калки.

Съ какимъ-то тоскливымъ предчувствіемъ заноситъ лѣтописецъ на свои страницы: «Богъ единъ вѣсь, кто суть и отколѣ изидоша, премудрые мужи вѣдять я добрѣ, кто книгы разумѣеть; мы же ихъ не вѣмы кто суть, нъ здѣ въ писахомъ о нихъ памяти ради Русьскыхъ князь и бѣды, яже бысть отъ нихъ намъ..... и не съвѣдаемъ откуду суть пришли и идѣ сядѣша опять [89]). Слишкомъ скоро пришлось Русскимъ людямъ поближе познакомиться съ этимъ невѣдомымъ народомъ. Погромъ Батыевъ, неслыханный по размѣрамъ до того времени въ Европѣ, слишкомъ извѣстенъ. Половцы прекратили свое существованіе: нѣкоторые удалились въ Венгрію, другіе на Балканскій полуостровъ, третьи смѣшались съ Татарами и составили значительную со-

ставную часть Погасовъ; въ концѣ XIII-го вѣка имя Половцевъ-Кумановъ, какъ самостоятельной орды, исчезаетъ изъ исторіи.... [90]) Но Русской землѣ стало не легче: два съ половиною вѣка склоняетъ она свою голову подъ тяжелымъ игомъ степнымъ; пять съ половиною проходитъ прежде, нежели русская нога крѣпко становится на томъ морѣ, которое уже въ IX мъ столѣтіи слыло моремъ Русскимъ. Южная Русь не вынесла новаго степнаго погрома. Путешественники XIII-го вѣка, проѣзжавшіе по Южной Руси, свидѣтельствуютъ намъ краснорѣчиво объ ея разореніи. Плано-Карпини видѣлъ „многіе черепа и кости мертвыхъ людей, лежащіе на землѣ подобно помету“ [91]): это былъ путь Татарскій. Кіевъ, по словамъ иностранцевъ, былъ когда-то одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Европы, соперникъ Царя-города: по свидѣтельству Плано-Карпини, 200 жалкихъ лачугъ и обгорѣлыя развалины остались памятниками древняго величія [92]). Еще въ 1389 году ходилъ Русскій митрополитъ по Дону: голыя, необозримыя пустыни безъ селенія и людей, наполненныя дикими звѣрями, едва примѣтные слѣды когда-то знаменитыхъ городовъ—вотъ что встрѣтилось ему на пути. Южная Русь не поднялась, она сыграла свою историческую роль; своей младшей сестрѣ, Великой Россіи, завѣщала она свою трудную задачу, свой историческій крестъ. Какъ младшая сестра сумѣла исполнить этотъ тяжелый завѣтъ уже относится къ другому періоду нашей степной борьбы, который выходитъ за предѣлы моей задачи. . . . Тѣ дикія, грозныя картины, на которыхъ мнѣ пришлось сегодня остановить ваше вниманіе – картины давно минувшаго прошлаго, ихъ мы можемъ воскресить только въ своемъ воображеніи, своей памяти. Мирный плугъ земледѣльца прошелся по той землѣ, которая попира-

лась когда-то разгульной конной ордой, оглашалась бранным крикомъ сына пустыни—вмѣсто боя и брани, теперь миръ и тишина. Благословенный новороссійскій край съ его богатою будущностью есть живой образецъ того, какъ младшая сестра исполняя предсмертный завѣтъ своей старшей.

П. Мельгуновъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Iordan, de getarum origine.

2) Naumann, Die Völker des südlichen Russlands. Leipz. 1855.

3) Слово о полку Игоревѣ (по 2-му изд. Тихонравова, стр. 5—6, 11).

4) Пока мнѣніе Наумана о Тюркской народности большинства Скиѳовъ остается самымъ вѣроятнымъ.

5) Герод., кн. 4, гл. 76—80.

6) Const. Porphyrogen. de administrando imperio κεφ. δ' Edit. Bonnensis pag. 74 sqq.

7) Нѣкоторое понятіе о вѣжахъ Половецк. даетъ разсказъ Іоанна Киннама о томъ, что Скиѳы (т.-е. Половцы) въ бою съ Греками, „воспользовавшись своими *телѣгами*, которыя они крѣпко связали одну съ другою, и покрывъ ихъ *воловьими кожами*, помѣстили въ нихъ своихъ женъ и дѣтей“ (Кратк. Обозр. царств. Іоанна и Мануила Комниновъ Киннама. Пер. Карнова. Спб. 1859, стр. 6—7).

8) Языкова: Собраніе путешествій къ Татарамъ. Спб. 1825.

9) Подъ 1116 г. упоминаются: „Шаруканъ, Сугровъ, Балинъ, Чешуевъ“ (Кіевск. 2-я лѣтоп. въ полн. собр. Р. Л. II, 8; Суздальская I, 128).

10) Лѣтопись Суздальская подъ 1199 г. зимовища возлѣ Дона.

11) Извѣстія о Хозарахъ и т. д. Ибнъ Дасты, издан. Хвольсономъ. Спб. 1869 стр. 17 и 68. Ср. также Гаркави: Сказанія мусульманскихъ писателей. Спб. 1870.

12) Хозары оставались нѣкоторое время среди Половцевъ. Въ 1117 г. „придоша Бѣловѣжци въ Русь“ (Кіев. 2-я, II, 8; „си естъ Козари“, прибавляетъ составитель Густинскаго свода. II, 291.) Жители Шарукапя выносятъ въ 1111 г. Русскимъ „*вино* и рыбу“ (II, 2): винодѣліемъ, вѣроятно, занимались не Половцы, а Козаре,

на что какъ бы указываетъ и самый тонъ лѣтописнаго разсказа. По поводу Татарскаго нашествія упоминается „*куганъ*“ Половецкій, *въ* который вбѣжалъ Гемя-бекъ (Новгор. лѣт. III, 40)— вѣроятно зимнее, изъ земли сдѣланное, жилище.

13) Такъ Венгерскіе источники сообщаютъ, что въ XII-мъ вѣкѣ подъ властью князя Котяна находилось 7 племенъ. (Klein- und Fessler Geschichte Ungarns).

14) Любопытный образецъ того, какъ образовывались новыя племена среди кочующихъ народовъ, представляютъ *Бастіи* или Бастѣи, которые со второй половины XII-го вѣка начинаютъ упоминаться какъ самостоятельное племя рядомъ съ Торками и Берендѣями, но подъ 1172 г. они прямо названы: „*Берендичи, Бастѣева чадь*“. Ср. интересныя подробности о современномъ родовомъ бытѣ Узбековъ въ сборн. Русскій Туркестанъ. М. 1872. В. 2.

15) П. С. Р. Л. I, 167. Въ поученьи В. Мономаха встрѣчаемся съ такимъ указаніемъ: „срѣтоша ны внезапу Половечьскыѣ князи 8 *тысячь*“ (I, 103), но здѣсь, нѣтъ сомнѣнія, показано число не князей, а всѣхъ Половцевъ. Какими массами могли располагать Половцы видно изъ свидѣтельства Анны Комненъ, что команское войско, явившееся на помощь Грекамъ, состояло изъ 40000. (Сказан. Ан. Ком. въ перев. Карпова. Спб. 1859 I, 375).

16) Сказаніе о плѣнномъ Половчинѣ въ Памятн. стар. Русской лит. Въ лѣтописи подъ 1185 г: „на *полчищи* Концакъ поручился по свата Игоря“ (II, 131).

17) Вожди 7 племенъ Команскихъ, поселившихся въ Венгріи, являются верховными судьями своихъ родовъ, имѣющими право жизни и смерти (Klein-Fessler Gesch. Ung. I, 431). Между ними же кромѣ вождей отличаются „nobiles“; вѣроятно у Половцевъ было обычное различеніе Торкскихъ народовъ: бѣлая кость и черная кость.

18) Въ 1151 г. Половцы выѣзжаютъ въ бой „на конѣхъ зъ щиты и съ копьи и въ бронихъ“ (II, 59). Ср. также Слово о П. Игоревѣ.

19) I, 114 подъ 1099-мъ годомъ. Ср. также подъ 1103, 1107 и т. д.

20) II, 128.

21) Такимъ способомъ Бонякъ въ 1099 г. одерживаетъ свою знаменитую побѣду надъ Венграми.

22) Наши предки свысока смотрятъ на азіятскій строй: первое впечатлѣніе Татаръ было, „яко *простіи* людье суть *пущеи Половець*“ (Волынскій хронографъ въ П. С. Р. Л. II, 164).

23) I, 7.

24) Карамз. Ист. Г. Р. т. II, прим. 112.

О наружномъ видѣ и одеждѣ Половцевъ можно судить по описанію Венгерскихъ Кумановъ: „Illis mos erat vexillationibus uti, demissas fere barbas et labri vel maxime superioris nutrire pilos caudata cristata ve secum ferre pilea, fluctantibus quoque vestibus indui, iisdemque sericeis in Persarum more et equorum pernicitate admodum delectari“. (Куника о Торкскихъ Печенѣгахъ и Половцахъ въ Уч. Зап. Акад. Наукъ т. III, в. 5, стр. 733). Принадлежность Половцевъ къ Торкскому племени несомнѣнна, не смотря на странное желаніе нѣкоторыхъ мадьярскихъ историковъ отождествить ихъ съ собою (между прочимъ, Rogerii Carmen miserabile явно указываетъ на то, что языкъ Куманскій отличался отъ Мадьярскаго: чернь обвиняетъ Кумановъ, поселившихся въ 1238 г. въ Венгріи, въ томъ что они ради измѣны проникли въ нее „*ut linguam facerent sibi notam*“). Латино-персидско-команскій словарь, составленный какимъ-то Итальянцемъ XIV-го в. и изданный Клапротомъ, и наше „Толкованіе языка Половецкаго“, сохранившееся въ Четьяхъ Минеяхъ (Москвит. 1850, 5, 7—9 и 10: сравн. словъ Полов. съ слов. закавказскихъ Татаръ) — едва ли относятся непосредственно къ Половцамъ; во всякомъ случаѣ оба словаря относятся къ тому позднему времени, когда остатки ордъ Половецкихъ смѣшались съ новыми Торко-Татарскими пришельцами и приняли уже исламъ. Эти словари можно назвать скорѣе Татарскими (Ногаевъ?) и сами Команы ихъ составителей были для нихъ тождественны съ Татарами („Сарракине, говор. толкованіе, *Половчяне, рекше Татарове*“). Любопытно и важно было бы, еслибы знатоки торкскихъ языковъ взяли на себя трудъ объясненія и провѣрки собственныхъ именъ Половецкихъ князей въ довольно значительномъ количествѣ сохранившихся въ нашихъ лѣтописяхъ (около 90) и отчасти въ Венгерскихъ источникахъ. Самый поверхностный и неопытный взглядъ усматриваетъ въ нихъ чисто турецкій складъ и смыслъ. Приведу для образца нѣкоторыя: Урусъ-*оба*, Алтун-*опа*, Арслан-*опа*, Китан-*опа*, А-*епа*, Бяк-*оба* Кул-*оба*, Такс-*оба*, Ет-*ебя*, Тертр-*оба*, Ченегр-*епа*—ср. турецк. *оба*—кибитка, семейство, фамилія, родъ. Бон-*якъ*, Конч-*акъ*, Коб-

якъ, Купяч-*юкъ*, Ельт-*укъ*, Чилб-*укъ* и т. д.—ср. *укъ* турецк. окончаніе прилагательнаго. Куш-*уй*, Коч-*ій*, Юг-*ай*—ср. *ій* оконч. тур. прилаг. Тог-*лій*, Тов-*лый*, Азгу-*луй*, Кыр-*лий*—ср. тур. *лы*, *лу* (й)—оконч. прилагательнаго. Бег-*люкъ*, Осо-*лукъ*—*лыкъ*, *лукъ* оконч. турецк. прилагательнаго. Белд-*юзь*, Салт-*узь*, Кор-*язь*, Сак-*зь*—ср. *юзъ*, *узъ* трц. лице (корязь-карюзъ—имѣющій черное лице?). *Курт*-ыкъ, Баш-*курдъ*, *кртъ*—ср. трц. *куртъ*-волкъ. *Арслан*-она—трц. *арсланъ*-левъ. *Тугор*-канъ, Шару-*канъ*—ср. имена татарскихъ воеводъ *Цыырканъ* (II. С. Р. Л. III, 40; *Чегыр*-канъ XII, 131), Тешю-*канъ*—трц. *ханъ*. Ит-*оглы*—трц. *оглъ*-сынъ, *огланъ*-мальчикъ и т. д. *Турундай*—ср. имя татарск. воеводы-*Бурундай* Багатуръ. *Бек*-люкъ, *Бак*-оба, Чил-*букъ*, *Бек*-барсъ—ср. трц. *бекъ*, *бегъ*—князь и т. д. и т. д."

25) I, 95 подъ 1095 г.

26) Первыя и наиболѣе опредѣленныя извѣстія объ искусственной насыпи, существовавшей на югѣ Кіевской земли, мы встрѣчаемъ въ упомянутомъ извѣстномъ письмѣ арх. Брунона къ императору Генриху II (въ 1008 г.). „Senior Ruzorum, говоритъ Брунонъ, *duos dies* cum exercitu duxit me ipse usque ad regni sui terminum ultimum, quem propter vagum hostem *firmissima et longissima sepe* (частоколъ) *undique circumclausit*..... egredimur *portam* .... stetit ipse in uno *colle*, nos... in alio.. („Giesebrecht Gesch. d. Deutschen Kaiserzeit", II B., 2-te Aufl., S. 667 sqq.). Первое указаніе на „валы" въ нашихъ источникахъ мы встрѣчаемъ подъ 1073 г.: за Стугною и Триполемъ Русскіе „пондоша валь. И се Половци идяху противу и стрѣльци предъ ними: нашимъ же ставшимъ *межи вала* (валомъ)... и пондоша стрѣльци изъ *валу*" (I, 94). Въ повѣствованіи лѣтописца о битвѣ Изяслава II съ Юріемъ снова упоминается о тѣхъ же валахъ: „пондоша мимо Василевъ чрезъ Стугну и, пришедше къ *валови* и не проходяче къ *валу*, ту и сташа"; на слѣдующій день войска „пройдоша *вал* на *чистое поле*". Изъ дальнѣйшаго разсказа видно, что валъ пересѣкалъ рѣки Рутъ и Рутецъ (притоки Роси) и носилъ другое имя „*шеломя*" („и тако пойде Гюрги за шоломя") (II, 62 sq.). По всей вѣроятности эта своего рода засѣчная линія заканчивалась у Днѣпра городомъ Зарубомъ (упомин. подъ 1095 г., около него живутъ Торки и Берендѣи (см. подъ 1105 г.), чѣмъ и объясняется самое названіе по лѣдняго. На лѣвой сторонѣ Днѣпра были такія же насыпи. Валы близь Переяславля упоминаются впервые

подъ 1095 г.: Итларь идетъ въ градъ Переяславль, а Кытанъ „ста межи валома“ (I, 97); въ 1149 г. Юрій проходитъ мимо Переяславля „и *ста межи валома*... объ ону сторону Трубежа“ (II, 43). Подъ 1185 г. упоминается *шеломя* за Хоромъ; Русскіе всходятъ на шеломя, чтобы увидать Половцевъ, нѣкоторые изъ нихъ обходятъ враговъ „шеломянемъ“, а другіе бросаются на Половцевъ „въ *гаты* (проходы?) узрѣвше“. Во время перваго нашествія Татарскаго Котянъ прибѣжалъ въ Русь къ тому мѣсту, „идѣже зоветься *валъ Половецкій*“ (VII, 129); по свидѣтельству Суздальскаго лѣтописца, сами Татары дошли „близъ Руси, идѣже зовется *валъ Половечьскый*“ (I, 189), а по Кіевскому сказанію они дошли до Новгорода Святопольчскаго (II, 165), который, такимъ образомъ, вѣроятно находился близъ валовой линіи.—Всѣ эти указанія едва ли позволяютъ намъ сомнѣваться въ томъ, что древне-Русская земля для обороны отъ степи принимала тѣ самыя мѣры, которыя въ послѣдствіи защищали Московское государство отъ Крымцевъ, и извѣстное восклицаніе Слова о Полку Игоревѣ: „о, русское земле, за шеломянемь еси“! имѣетъ болѣе опредѣленный смыслъ, чѣмъ это принимается въ обычномъ переводѣ („за холмами“).

27) Лѣтописныя свѣдѣнія о Черныхъ Клобукахъ собраны Сомчевскимъ въ Архивѣ Калачова т. II, ч. I. с. 73—106.

28) I, 99.

29) II, 62. 30) II, 132.

31) I, 115 въ отрывкѣ изъ лѣтописи Волынской, вставленномъ, какъ полагаютъ, въ такъ наз. Несторову.

32) I, 118.

33) Напр. подъ 1152 г.

34) II, 84.

35) I, 96 подъ 1093 годомъ.

36) Ср. житіе Евстратія въ Патерикѣ Печерскомъ (Памят. Русск. Лѣт. XII и XIII вѣк., изданн. В. Яковлевымъ. Спб. 1872, стр. 93).

37) II, 133.

38) Житіе Никона Сухаго по изданію Яковлева, стр. 25.

39) См. лѣтоп. подъ 1103 и 1224 г.

40) Памятники стар. русск. лит. I, 71—73.

41) Такъ Anonymus Belae regis Notarius въ гл. X упомин. посланныхъ въ даръ: „100 pueros comanos“ (Schwandtner Scriptor. Rer. Hung. V. I, 1846).

42) Въ 1168 и 1170 г.

43) Слово о П. И., стр. 3 и 7.

44) I, 118. 45) I, 7. 46) I, 99.

47) I, 100.

48) Намъ извѣстенъ только одинъ случай, когда Половецкая вдова Русскаго князя (Святослава Владиміровича) бѣжитъ въ Половцы и выходитъ тамъ за мужъ (за Башкорта).

49) I, 176. 49*) „Оже ны ся не предасте; дамы вы Половцемъ на полонъ“ говор. Ольговичи Выревцамъ въ 1147 г. (II, 35). Въ 1154 г. Кіевляне принимаютъ къ себѣ нелюбаго Изяслава Давыдовича: „ать не возьмуть насъ Половци“ (II, 76).

50) II, 97—98.

51) I, 98.

52) II, 129.

53) I, 96.

54) II, 121. 55) III, 39 sqq.

56) Поученье В. М. въ П. С. Р. Л. I, 103—4. Гуманныя качества Владиміра Мономаха не мѣшали ему, конечно, поступать въ иныхъ случаяхъ въ духѣ своего грубаго вѣка („*идохомъ* съ Черниговци и *съ Половци* Читѣевичи къ Мѣньску, изъѣхахомъ городъ и *не оставихомъ у него ни челядина, ни скотины*“ с. 103), но осудить В. М. на основаніи отдѣльныхъ случаевъ и пойти на, перекоръ общему отзыву современниковъ, какъ склонны дѣлать нѣкоторые, мы не имѣемъ права. Ср. Погодина Хронологич. указат. древней Русской Исторіи (Уч. Зап. II отд. Акад. Наукъ к. VII, в. 2, стр. 124).

57) II, 10.

58) II, 155.

69) II, 15.

60) II, 139.

61) II, 2—3.

62) Ученыя записки II-го отдѣленія Академіи Наукъ II, 2, 193 sq.

63) I, 72 и 73.

64) I, 74.

65) I, 95.

66) Подъ 1177 и 1185 г. (II, 118 и 133).

67) II, 121.

68) Подъ 1095, 1177 и 1185 г.

69) II, 132.

70) II, 155.

71) II, 187. О Романѣ см. также отзывы Annales Poloniae (Изд. Пертца ad us. schol. p. 20).

72) II, 155.

73) ibid. „той же ему (Отроку, отцу Кончакову) пѣсни Половецкія".

74) Въ 1101 г. былъ первый „снемъ", упоминаемый лѣтописью въ Саковѣ „и створиша миръ съ Половци и пояша тали межи собою" (I, 117). Миръ возобновляется вѣроятно по смерти или удаленіи каждаго князя: потому Половцы, узнавъ о смерти Святополка, немедленно являются къ Выру. Въ 1146-мъ г. Половцы „прислаша слы ко Изяславу, мира прошаче". И въ 1147 г. Изяславъ „миръ створи съ Половци у Воиня" (I, 136—137). Когда Глѣбъ Юрьевичъ посажалъ въ томъ же году посадниковъ по Посемью, „Половчи многи ту заходиша ротѣ съ нимъ" (II, 35). Въ 1157 г. Половцы пріѣзжаютъ „на снемъ" въ Каневъ и требуютъ выдачи своихъ плѣнныхъ; когда князь Юрій не соглашается на это требованіе, „*поимавше дары*, ѣхаше прочь, мира не створивше" (I, 148; II, 78 подъ 1155 г.) Въ 1184 г. Всеволодъ „води ихъ (Половцевъ) въ *роту Половецкую*". Въ 1190 г. Святославъ и Рюрикъ примирили Половцевъ „въ волю". Особенно характеристичны подробности, сообщаемыя лѣтописью подъ 1192 и 1193 г. (II, 141—2). Въ 1192 г. Рюрикъ рѣшается помириться съ Половцами Лукоморскими, и дѣйствительно „*одаривъ дары многими* и водивъ и къ ротѣ, отпусти во свояси". На слѣдующій годъ Святославъ предлагаетъ Рюрику: „се ты снимался съ Половци съ Лукоморьскими, а нынѣ послемъ по Половци по вся, по Бурчевича". По приглашенію князей Лукоморцы пріѣзжаютъ въ Каневъ, но Бурчевичи останавливаются на той сторонѣ Днѣпра и вызываютъ князей къ себѣ. „Ни дѣди наши, ни отци наши, отвѣчаютъ послѣдніе, не ѣздили противу васъ; ажъ вы годьно, а ѣдѣте къ намъ, а паки ли не годно вы, а волни есте". Бурчевичи не согласились и „уѣхаша прочь, а Лукоморьци хотяхуть мира, но Святославъ не улюби". „Не могу съ половиною ихъ мириться" отвѣчаетъ онъ на совѣтъ Рюрика „и тако не умирившася и поѣхаша во свояси", а между князьями начинается изъ-за этого, нелюбье.

75) Такъ Кончакъ въ 1184 г. посылаетъ „съ лестью... мира прося" (II, 129).

76) II, 97.
77) I, 97.
78) I, 104.
79) I, 119.
80) III, 41.
81) III, 39.

82) Въ 1117 г. къ Святославу Ольговичу вмѣстѣ съ Половцы приходятъ дружины Бродниковъ, жившихъ слѣдоват. на лѣвой сторонѣ Днѣпра; въ 1224 г. за одно съ Татарами идутъ на Русь Бродники съ воеводою своимъ Плоскынею. На правомъ берегу Днѣпра упоминаются Берладники и въ 1224 г. Галичкіе *выгонцы* съ воеводою ихъ Юріемъ Домамѣричемъ.

Любопытное и мало извѣстное, кажется, указаніе на Бродниковъ мы встрѣчаемъ въ письмѣ Белы IV къ Иннокентію IV отъ 11 декабря 1251 (Fejer Cod. dipl. IV, 2, 218—221 у Wolf, Geschichte der Mongolen oder Tataren. Bresl. 1872), который сообщаетъ, что Татары особенно негодуютъ на него, такъ какъ онъ одинъ не платитъ имъ дани, тогда какъ имъ подчинились всѣ страны и народы, находящіеся на Востокъ отъ Венгріи: Русь, Кумапія, „*Brodnici*“ и Булгары, которые прежде большею частью были подвластны ему. Вольфъ напрасно исправляетъ текстъ и читаетъ „Wlodnici“, что, по его мнѣнію, означаетъ Валаховъ. О бродникахъ ср. также: Срезневскаго Русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI—XIV в. (Изв. II-го отд. Акад. Наукъ т. VIII, в. 4. стр. 313—320).

83) Въ 1159 г. онъ „уполошився, ѣха въ поле къ Половцемъ и шедъ съ Половци и ста въ городѣхъ подунайскыхъ, и изби двѣ кубары и взя товара много въ нею“. Берладникъ - смердій князь и его дружина, вѣроятно, состоитъ изъ бѣлыхъ смердовъ: въ Кучелминѣ Галичскомъ „ради быша ему“, а въ Унищѣ „смерди скачють черезъ заборала къ Иванови“ (II, 83—4).

84) Новгород. I-я III, 40.

85) Упомин. подъ 1183, 1185, 1190 и 1224 г.

86) Урусъ-оба, упоминаемый въ XI-мъ вѣкѣ? „Урусъ“ по турецки русскій, „оба“-трц. семейство, родъ—Урусоба—русскаго рода, происхожденія?

87) „Тогда князь великій Половецкій крестися Басты“. П. С. VII, 130.

88) Въ XIII-мъ вѣкѣ вообще мы довольно часто встрѣчаемся съ примѣрами обращенія въ христіанство Половцевъ цѣлыми массами. Такъ напр. въ 1227 г. *Борисъ*, сынъ князя Команскаго (Borics) (у Комановъ, жившихъ въ Молдавіи) подъ вліяніемъ проповѣди Доминиканскихъ монаховъ, принимаетъ съ 15,000 своихъ крещеніе изъ рукъ Роберта еп. Гранскаго и признаетъ верховную власть Венгерскаго короля. (Klein-Fessler Gesch. von Ungarn. Leipz. 1867. I, 342. Naumann S. 143). Въ 1238 г. Половцы Котяна (40,000 вооруженныхъ) перекочевываютъ въ Венгрію и получаютъ для поселенія земли на Тиссѣ съ условіемъ принять крещеніе (Klein-Fessler I, 360), но до конца XIII-го вѣка между ними остается много язычниковъ (ib. 435).

89) III, 39—41.

90) Послѣ перваго вторженія Татарскаго 10,000 Половцевъ ищутъ спасенія за Дунаемъ въ Македоніи и Болгаріи (Naumann. S. 143), гдѣ вѣроятно соединяются съ своими соотечественниками, поселившимися тамъ еще въ XII-мъ вѣкѣ (Іоаннъ Киннамъ въ пер. Карпова с. 6). 7 племенъ, признававшихъ власть Котяна, тестя Даніила Галичскаго, какъ уже упомянуто, поселились въ Венгріи, въ пустыняхъ, съ тѣхъ поръ получившихъ названіе Великой и Малой Куманіи. Долго не покидаютъ они прежняго своего кочующаго образа жизни и дикихъ степныхъ нравовъ. Ихъ безчинства, находящія поддержку въ самомъ королѣ Венгерскомъ Ладиславѣ IV *Куманѣ* (сынѣ короля Стефана и Елизаветы, дочери „imperatoris Cumanorum", Котяна), заставляютъ, наконецъ, Венгровъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ: въ 1279—80 г. ихъ вожди обязываются окончательно принять христіанство, отказаться отъ кочеваго образа жизни и грабежей и т. д. Часть Комановъ, недовольная такими стѣсненіями, подъ предводительствомъ Ольдамура въ 1282 г. убѣгаетъ къ Ногайскимъ Татарамъ, но остальные мало по малу сливаются съ Венграми (Klein-Fessler I, 388, 392, 432, 435, 438). Подобно нашимъ Чернымъ Клобукамъ, они составляютъ важную часть Венгерскаго войска (напр. въ 1278 г. въ войскѣ на 40,000 Венгровъ считается 16,000 Половцевъ) преимущественно какъ легковооруженные стрѣлки, откуда происходитъ и названіе, полученное ими отъ Мадьяръ: Ясы, Языги (Jasz, Jaszsag), т. е. стрѣлки. (ib 180). Въ настоящее время жители Языгіи ничѣмъ не отличаются отъ Мадьяръ; послѣдній, говорившій еще на Команскомъ языкѣ, у-

меръ въ 1770 г. (Naumann S. 146, Anm. 72). Многіе Половцы Котяновы, по удаленіи главной массы въ Венгрію, остаются кочевать близъ Галича и подчиняются Даніилу Романовичу, составляя его военную дружину: „*Половцы Даніиловы*“ называются они въ лѣтописи (Вол. хроногр. въ II. С. Р. Л. II, 180, 183, 186 подъ начальств. *Лазаря*, 188). Въ послѣдній разъ упоминаются они подъ 1249 г. (?), когда Даніилъ идетъ на помощь къ Тевтилову Литовскому „и съ Половци, со *сватомъ* своимъ Тегакомъ“ (ibid. 188). Въ 1280 г. Левъ Даніиловичъ проситъ помощи противъ Ляховъ у Окаяьнаго Ногая, „онъ же дай ему помощь, окаяьнаго Кончака, и Козѣя, и Кубатана“ (ib. 208): судя по именамъ это должны быть Половцы, взошедшіе въ составъ Ногайской орды. Объ этихъ Половцахъ, оставшихся среди Татаръ, упоминаетъ и Плано-Карпини, по словамъ котораго напр. „Corrensa (темникъ Татарскій) dedit nobis duos Comanos, qui erant ex Tartarorum plebe, usque od Kioviam“ (l. I, cap. 17). По его словамъ, „Comanos Tartari occiderunt, quidam tamen a facie eorum fugerunt et quidam in eorum servitutem redacti sunt. *Plurimi autem ex eis qui fugerunt ad ipsos redierunt*“ (L. I, cap. 5).

91) По изданію Языкова I, 5, 25.

92) „Vix enim domus remanserunt ducentae, quarum etiam habitatores tenentur in maxima servitute“ (l. II, c. 5).

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

ЗА 1872–73 УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.

Мм. Гг.

Позвольте сегодня, въ день основанія нашей гимназіи, сказать нѣсколько словъ объ истекшемъ учебномъ годѣ.

Въ 1872—73 учебномъ году школа наша состояла изъ одного приготовительнаго класса, изъ восьми классовъ съ курсомъ гимназическимъ и трехъ старшихъ классовъ съ курсомъ реальнымъ. Всѣхъ учениковъ было 160; пансіонеровъ 100, полупансіонеровъ 15, приходящихъ 45. Вѣроисповѣданія православнаго было 142 ученика, евангелическо-лютеранскаго 14, католическаго 3, іудейскаго 1. Къ дворянству принадлежало 68, къ духовному званію 7 и къ городскому сословію 85.

Еженедѣльныхъ уроковъ въ прошедшемъ году дано было 310. Изъ нихъ приходилось: на древніе языки 96, на новые языки 100, на математику и физику 53 и на остальные предметы гимназическаго курса 61 урокъ. Преподаваніе всѣхъ этихъ предметовъ было раздѣлено между 30 преподавателями, каждый классъ состоялъ въ вѣдѣніи особаго класснаго наставника, а ежедневный надзоръ за воспитанниками и ихъ воспитаніе ввѣрены были живущимъ въ школѣ шести воспитателямъ.

Программа, за немногими исключеніями, была съ успѣхомъ выполнена въ приготовительномъ, въ первыхъ

трехъ, въ пятомъ и седьмомъ классахъ Изъ приготовительнаго класса переведено было 13, осталось въ классѣ трое; изъ I-го 18, осталось 7; изъ II-го 21, осталось трое; изъ III-го 17, осталось 8; изъ V-го класса переведены всѣ тринадцать учениковъ; изъ VII-го класса младшаго отдѣленія всѣ 6 учениковъ. Всего въ шести классахъ переведено въ высшій классъ 88, осталось на второй годъ 21.

Менѣе благопріятно было рѣшеніе педагогической конференціи относительно перевода учениковъ четвертаго и шестаго классовъ. Болѣе обширная новая программа и тѣ правила, которыми приходилось руководствоваться при годичномъ испытаніи, препятствовали переводу учениковъ, почему въ этомъ году они и должны были остаться въ томъ же классѣ. Надѣемся, что эта мѣра впредь не останется безъ хорошихъ послѣдствій и доставитъ нашимъ старшимъ классамъ дѣльныхъ и болѣе зрѣлыхъ учениковъ.

Воспитанники VII-го класса старшаго отдѣленія, въ числѣ тринадцати, допущены были педагогическимъ совѣтомъ къ окончательному испытанію. Составлены были, какъ предписано, особыя экзаменаціонныя коммиссіи, и испытанія происходили при участіи и подъ надзоромъ членовъ отъ учебнаго вѣдомства. Въ самомъ началѣ испытанія одинъ изъ воспитанниковъ, Александръ Нарышкинъ, отказался отъ желанія экзаменоваться и поступилъ въ военную службу; остальные 12 (5 классическаго и 7 реальнаго отдѣленія), по строго-предписанному порядку, подвергнуты были въ концѣ мая и въ началѣ іюня письменнымъ и устнымъ испытаніямъ. 15-го іюня въ общемъ собраніи всѣхъ наставниковъ и воспитанниковъ гимназіи вручены были тѣмъ, которые поступали въ университетъ, свидѣтельства зрѣлости, а

остальнымъ свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи полнаго гимназическаго курса, при чемъ наставникъ VII класса, П. П. Мельгуновъ, обратился къ оставляющимъ школу воспитанникамъ съ нѣсколькими задушевными прощальными словами. *)

---

*) Въ заключеніе и мнѣ, классному наставнику выпускнаго класса, приходится сказать нѣсколько словъ, но мое слово существенно должно отличаться отъ произнесенныхъ уже здѣсь. Въ тѣхъ говорилось о прошедшемъ, говорилось о мальчикахъ и юношахъ, остающихся въ школѣ, на которыхъ школа возлагаетъ свои надежды. Мое положеніе, моя задача иная. Я обращаюсь къ молодымъ людямъ, для которыхъ сегодняшній день есть послѣдній, проведенный въ школѣ. Вспоминать мнѣ о прошедшемъ не приходится: конечно, и нашъ путь не представляется усѣяннымъ розами, и на немъ часто, быть-можетъ слишкомъчасто, встрѣчалось колючее терніе... Но не объ этомъ должны мы вспоминать сегодня: къ чему намъ растравлять старыя, теперь уже зажившія раны? Не къ прошедшему — къ настоящему и будущему думалъ бы я обратиться, дорогіе мои ученики и друзья, въ сегодняшній многознаменательный день, обратиться, быть-можетъ, въ послѣдній разъ въ жизни... Не случайно употребилъ я выраженіе: „многознаменательный день“ — онъ, дѣйствительно, многознаменателенъ и для васъ, многознаменателенъ и для насъ, для школы. Школа прощается сегодня съ вами, потому что она нашла васъ зрѣлыми. Зрѣлыми? Для чего? *Зрѣлыми для жизни.* Въ этихъ словахъ таится весь глубокій смыслъ настоящаго момента. Сегодня вы переходите черезъ рубежъ, Рубиконъ, раздѣляющій два періода вашей жизни; сегодня вы можете изъ глубины души повторить слова Цезаря: alea *jacta* est. Да, жребій безповоротно брошенъ: Галлія за вами, многомятежная Италія впереди, тихая школьная пристань и бурное море житейское... Якорь спять — жребій брошенъ...

Когда я обдумывалъ тѣ строки, которыя теперь читаю вамъ, одно изреченіе практической мудрости великаго народа невольно носилось въ моихъ мысляхъ: de mortuis nil nisi bene. De mortuis, думалось мнѣ... развѣ они mortui? Да, подсказывался отвѣтъ, они умерли для школы, она покончила съ ними свои

Приняты были въ Московскій университетъ и поступили: на филологическій факультетъ—Николай Богословскій, на математическій—Иванъ Терещенко, на юридическій—Александръ Голяшкинъ и на медицинскій—Иванъ Татариновъ и Родіонъ Бѣловскій. По выдержаніи уста-

---

счеты и разсчеты. Но они, вѣдь, полны жизни, они съ надеждою теперь со школьной скамьи вступаютъ въ жизненное поприще. Смерть и жизнь.. Какое безотрадное сопоставленіе! Но таково ли все это въ дѣйствительности, какимъ кажется? Дѣйствительно ли вы умерли для школы?....

Пройдетъ много времени; вы окунетесь въ бездонный омутъ жизни, много трудовъ и испытаній придется вамъ вынести на своихъ плечахъ, много, думаю, и надеждъ и утѣшеній выпадетъ и на вашу долю—и, вотъ, наступитъ, наконецъ, для васъ тотъ моментъ, который наступаетъ для всякаго человѣка, когда онъ, усталый, останавливается на своемъ пути и оглядывается на свое прошлое. Ему и горько и отрадно: летящею вереницею воскресаютъ передъ нимъ былые образы, воспоминанія о прошломъ добромъ, старомъ времени. Въ такой моментъ съ небываю, поразительною ясностью возобновятся передъ вами годы вашей беззаботной, веселой юности, годы школьной жизни... Повѣрьте мнѣ, что тогда впервые отчетливо и сознательно въ головѣ вашей установится убѣжденіе, что школьная жизнь если не все для человѣка, то по крайней мѣрѣ его значительная часть, ибо она фундаментъ для всего остальнаго зданія; что только хорошая школа можетъ дать обществу хорошаго гражданина, „virum bonum“ Цицерона. Дороже, милѣе, чѣмъ когда-либо, станутъ для васъ при такомъ сознаніи ваши школьные годы.. Дай Богъ, чтобы этотъ моментъ былъ для васъ легокъ, дай Богъ, чтобы онъ не сопровождался безсильно-тоскливымъ сознаніемъ безплодно проведеннаго, безцѣльно утраченнаго времени.. Благо той школѣ, которая сумѣла подготовить своего воспитанника къ жизни, которая оставила въ немъ свѣтлыя, отрадныя воспоминанія, но благо и тому человѣку, который сумѣлъ воспользоваться тѣмъ, что ему было дано, который изъ школы вынесъ незыблемыя основы для будущей жизни и незабвенно-тепло хранитъ въ своемъ

повленныхъ пріемныхъ испытаній въ концѣ августа и въ началѣ сентября поступили: въ Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія—князь Владиміръ Вяземскій и Евгеній Серебряковъ и въ Императорскій Технологическій Институтъ—Ардаліонъ и Николай Ляпины, Меѳодій и Иванъ Гарелины и Сергѣй Мельниковъ.

Въ первый разъ въ нашей школѣ окончили полный курсъ ученики реальнаго отдѣленія, и съ живѣйшимъ участіемъ слѣдили мы за дальнѣйшею судьбою этихъ воспитанниковъ. Всѣ они приняты теперь въ тѣ высшія заведенія, куда они себя предназначили. Питаемъ себя надеждою, что они къ своимъ занятіямъ и впредь

воспоминаніи тѣхъ людей, которые руководили имъ въ то время, когда онъ самъ еще не могъ руководить собою...

Итакъ, храните теплое воспоминаніе о томъ мѣстѣ, въ которомъ вы получили ваше воспитаніе и провели, быть можетъ, свои лучшіе годы, въ которомъ вы окрѣпли для жизни; не забывайте среди самыхъ разнообразныхъ положеній тѣ основы добра и нравственности, честнаго сознанія и исполненія своего долга, которыя школа всегда стремилась укоренить въ васъ; вспоминайте обо всемъ этомъ—и вы, даю вамъ слово, не будете мертвы для школы, вы будете жить для нея болѣе, чѣмъ когда-нибудь, ибо цѣль всякой школы дать обществу развитаго и нравственнаго гражданина, ея величайшее наслажденіе—достигнуть этой цѣли. Если для васъ что-нибудь значитъ благословеніе вашего бывшаго класснаго наставника при переходѣ черезъ жизненный Рубиконъ, то обѣими руками и отъ всего сердца благословляю васъ быть „страдальцами Русской земли“. Вы знаете, какой добрый, гуманный смыслъ придавала этому выраженію наша русская старина....

Вотъ и все что я хотѣлъ сказать вамъ въ видѣ напутственнаго слова къ открывающейся для васъ жизни. Прощайте же, дорогіе мои друзья; это мое послѣднее слово, какъ наставника и учителя, первое какъ вашего старшаго товарища и друга. Прощайте и, покидая эти стѣны, не поминайте насъ лихомъ, также какъ и мы не помянемъ имъ васъ.“

будутъ прилагать то усердіе, котораго отъ нихъ мы въ правѣ ожидать.

Когда, по выдержаніи пріемнаго испытанія въ С.-Петербургѣ, они на нѣсколько дней спѣшили въ родительскій домъ, чтобы тамъ подѣлиться своею радостью, тогда проѣздомъ они посѣтили и меня. Прощаясь съ ними, я коснулся, между прочимъ, и тѣхъ соблазновъ, которые встрѣтятъ они въ новой своей жизни, и указалъ на то, какъ они, предоставленные теперь самимъ себѣ, легко могутъ обмануться въ силѣ грозящей имъ опасности; тогда одинъ изъ нихъ порадовалъ меня слѣдующими словами: «будьте покойны въ разсужденіи насъ, мы въ школѣ пріучились къ трудамъ, и это, надѣюсь, спасетъ насъ отъ заблужденій.» Дай Богъ, чтобы это сбылось не только на словахъ, но и въ дѣйствительности.

Мнѣ не хотѣлось бы умолчать здѣсь и о слѣдующемъ интересномъ явленіи нашей школьной жизни, касающемся другаго выпускнаго воспитанника, И. Татаринова. Два года тому назадъ явился ко мнѣ, съ просьбою о принятіи его въ школу, юноша, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ учился въ уѣздномъ училищѣ и потомъ самостоятельными занятіями пріобрѣлъ себѣ нѣкоторыя дальнѣйшія свѣдѣнія. Его возрастъ и довѣріе, которое онъ внушалъ мнѣ, расположили меня въ видѣ опыта принять его въ старшій классъ съ надеждою, что онъ сумѣетъ воспользоваться тѣми средствами, которыя дастъ ему школа, для пополненія пробѣловъ своего образованія. Надежда наша оправдалась. Скоро мы имѣли возможность убѣдиться не только въ его способности, но и въ твердомъ намѣреніи достигнуть своей цѣли. Къ концу года онъ почти догналъ своихъ товарищей и въ прошломъ учебномъ году кончилъ курсъ въ числѣ лучшихъ учени-

ковъ. Такъ какъ онъ вполнѣ оправдалъ довѣріе, которое питала къ нему школа, то я съ удовольствіемъ пользуюсь здѣсь случаемъ, чтобы въ его живомъ примѣрѣ указать младшему школьному поколѣнію, на что способенъ ученикъ, проникнутый святымъ сознаніемъ своего долга.

Нашъ учебный курсъ въ прошедшемъ году преимущественно приноравливался къ учебнымъ планамъ, установленнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Во всѣхъ классахъ число латинскихъ уроковъ было увеличено и обращено вниманіе на то, чтобы пріучить воспитанниковъ къ переводамъ на древніе языки. Въ высшихъ двухъ классахъ, для отечественнаго языка, кромѣ установленныхъ трехъ уроковъ въ недѣлю, назначены были еще особые часы для сочиненій на общія темы, подъ руководствомъ преподавателя логики. Въ выпускномъ классѣ реальнаго отдѣленія курсъ математики былъ увеличенъ введеніемъ въ него курса начертательной и аналитической геометріи. Строгое выполненіе гимназической программы не препятствовало ученикамъ упражняться въ обоихъ иностранныхъ языкахъ: нѣмецкомъ и французскомъ.

Кромѣ постоянныхъ совѣщаній преподавателей о ежедневныхъ явленіяхъ школьной жизни, шесть разъ собирался педагогическій совѣтъ и четыре раза сходились преподаватели древнихъ языковъ и математики отдѣльно, для составленія особой программы для ихъ предметовъ, въ случаѣ еслибы оказалась возможность увеличить курсъ ученія образованіемъ втораго старшаго приготовительнаго класса. Поводъ къ этому предположенію дали слѣдующія обстоятельства:

1) Частныя учебныя заведенія не всегда въ состояніи, при пріемѣ учениковъ въ извѣстные классы, обращать надлежащее вниманіе на ихъ возрастъ.

2) Поступающіе ученики, при достаточномъ знаніи новыхъ языковъ, бываютъ слабы въ древнихъ языкахъ.

3) Сжатая и трудная программа нашего гимназическаго курса вообще.

4) Слишкомъ ранній выходъ учениковъ изъ гимназіи, что нерѣдко вредно дѣйствуетъ на дальнѣйшій ходъ образованія и

5) Желаніе облегчить ученикамъ ежегодный переходъ въ высшій классъ.

При продолженіи курса на годъ ученики старшіе лѣтами поступали бы въ соотвѣтствующіе классы, чрезъ что облегчился бы ихъ трудъ, сохранилось бы здоровье, исчезъ бы напрасный страхъ предъ экзаменами и сдѣлались бы излишними усиленныя къ нимъ приготовленія.

Сколько теперь непріятностей причиняется семейству и школѣ, когда ученика не переводятъ въ высшій классъ, и какъ часто это обстоятельство, къ сожалѣнію, служитъ поводомъ разлада между родителями и школою! Ежегодно приходится намъ испытывать это; напрасны остаются всѣ увѣренія о безполезномъ раннемъ переводѣ учениковъ въ высшій классъ, и часто школѣ приходится разстаться съ своими воспитанниками только потому, что она не желала имъ вреда. Какъ тяжело это испытаніе! Какъ безплодны въ такихъ случаяхъ всѣ труды учебнаго заведенія, особенно частнаго!

Успѣхамъ воспитанниковъ препятствуютъ между прочимъ: неправильное посѣщеніе ими школы, опаздываніе послѣ лѣтнихъ и зимнихъ вакацій, а также раннее оставленіе школы до окончанія учебнаго года. Такъ напримѣръ, мы обыкновенно начинаемъ нашъ учебный годъ съ 16-го августа или вскорѣ послѣ того, и хотя всѣ наставники собираются въ назначенный срокъ, но бо́льшая часть воспитанниковъ является въ школу только

въ началѣ сентября и даже позже. Такимъ образомъ не только нарушается уставъ школы, но уже въ самомъ началѣ курса теряется цѣлый мѣсяцъ. Возможно ли послѣ этого съ успѣхомъ пройти все, что назначено на годъ? Многіе оправдываютъ такое уклоненіе тѣмъ, что они имѣютъ дѣло съ частнымъ учебнымъ заведеніемъ; но вѣдь всякое учебное заведеніе, будь оно правительственное или частное, только тогда и въ состояніи выполнить свою задачу, если въ немъ наблюдается точный порядокъ, строгая дисциплина, и если во всѣхъ случаяхъ родители идутъ рука объ руку со школой. Чѣмъ свободнѣе поставлена школа, тѣмъ строже должна она держаться этихъ дознанныхъ педагогическихъ истинъ. Если общество подчиняется требованіямъ правительственныхъ учебныхъ заведеній, то почему же оно отказываетъ въ своемъ вниманіи частному заведенію, которое, подобно правительственному, должно достигать тѣхъ же научныхъ и воспитательныхъ результатовъ?

Въ частной школѣ все зависитъ отъ правильнаго взгляда на нее въ обществѣ, которому она служитъ и отъ котораго получаетъ средства и силы, но на которое въ свою очередь она вліяетъ своею индивидуальною, образовательною жизнью. Если на такое воспитательное заведеніе смотрятъ только какъ на мѣсто для опытовъ (что и бываетъ въ дѣйствительности, когда дѣти 11—12 лѣтъ перебывали уже въ двухъ-трехъ школахъ) или какъ на мѣсто, въ которомъ частное преподаваніе производится въ большомъ размѣрѣ, куда дѣти могутъ являться когда хотятъ и оставляютъ оное по произволу, то въ плохомъ же состояніи находится воспитаніе нашего юношества. А между тѣмъ частная школа болѣе всего способна дать обществу возможность въ дѣйствительности осуществить свои

образовательные идеалы и, по своей внутренней организаціи, сдѣлаться для своихъ воспитанниковъ питомникомъ благотворной будущности. Тѣ, которые серьезно смотрятъ на воспитаніе дѣтей, знаютъ это и сознаютъ, что ни въ какомъ другомъ дѣлѣ не требуется столько обдуманности какъ въ дѣлѣ воспитанія. А такъ какъ, въ концѣ концовъ, каждый человѣкъ дороже всего на свѣтѣ, то необходимо, чтобы общество съ яснымъ сознаніемъ и можно сказать съ благоговѣйнымъ уваженіемъ относилось къ тому мѣсту, въ которомъ онъ воспитывается.

Относительно поведенія воспитанниковъ и ихъ жизни въ школѣ можно сказать, что въ прошедшемъ году важныхъ проступковъ не было; напротивъ, намъ приходилось замѣчать въ нихъ стремленіе къ самостоятельному труду, правдивость, преданность и любовь къ наставникамъ и вообще уваженіе къ мѣсту ихъ воспитанія.

Въ концѣ каждой недѣли, въ свободные отъ ученія часы, въ распоряженіи дѣтей находилась библіотека, снабженная сочиненіями по всѣмъ отраслямъ школьной науки на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Дѣти пользовались библіотекой съ видимымъ интересомъ, тѣмъ болѣе, что ихъ чтеніе было руководимо любимымъ и уважаемымъ ихъ учителемъ, который въ продолженіе цѣлаго года жертвовалъ имъ временемъ своего отдыха. Здѣсь я долженъ упомянуть, что библіотека увеличилась и въ этомъ году многими новыми сочиненіями и коллекціею фотографическихъ снимковъ, благодаря значительнымъ пожертвованіямъ одного изъ преподавателей и воспитанниковъ. Пріобрѣтены были для нашихъ коллекцій по естественной исторіи систематическое собраніе раковинъ и для трехъ первыхъ

классовъ учебные столы, сдѣланные по системѣ Harpel'я, а также нѣкоторые образцы различныхъ школьныхъ столовъ съ Московской политехнической выставки. Какъ для прежнихъ, такъ и для новыхъ нашихъ столовъ потребно еще многое. Но вопросъ о нормальныхъ школьныхъ столахъ дѣлается въ наше время все необходимѣе, потому и привѣтствуемъ появленіе стола, назначеннаго для новаго правительственнаго реальнаго училища, которое, по нашему мнѣнію, ближе всего подходитъ къ педагогическимъ требованіямъ

Что касается до состоянія здоровья нашихъ воспитанниковъ, то можно назвать его отличнымъ; больныхъ почти не было.

Нельзя того же сказать о здоровьѣ преподавателей, изъ которыхъ одинъ, Николай Егоровичъ Любимовъ, къ великому сожалѣнію нашему, послѣ долговременной и тяжкой болѣзни, во цвѣтѣ лѣтъ, разстался съ жизнію. Съ горестію чувствуемъ потерю этого честнаго и полезнаго дѣятеля нашей школы. Значительное число уроковъ, которое давалъ покойный, по отечественному языку, начиная отъ перваго класса до пятаго включительно, съ трудомъ могли быть замѣщены и переданы были тремъ преподавателямъ. Такой перерывъ невольно повлекъ за собою потерю времени; вслѣдствіе чего и успѣхи учениковъ изъ русскаго языка въ концѣ года оказались слабѣе.

По окончаніи учебнаго года преподаватель латинскаго языка въ среднихъ классахъ, пасторъ Э. К. Бергъ, послѣ восьмилѣтней дѣятельности въ нашей школѣ, по пастырскому своему призванію, принужденъ былъ оставить наше заведеніе. Мы потеряли въ немъ опытнаго и добросовѣстнаго преподавателя, который, при строгой дисциплинѣ въ классѣ, достигая основательныхъ успѣ-

ховъ, сумѣлъ пріохотить учениковъ къ изученію этого важнаго предмета гимназическаго курса.

Наша школа имѣла счастіе и въ этомъ году видѣть у себя господина помощника попечителя учебнаго округа и неоднократно господина окружнаго инспектора, которому школа много обязана за то теплое сочувствіе, съ которымъ онъ къ ней постоянно относится.

Почитаю себя счастливымъ, что имѣю удовольствіе, въ этотъ достопамятный для меня день, видѣть и васъ, достопочтеннѣйшіе родители, собравшихся раздѣлить съ нами это празднество. Безъ сомнѣнія, вы лучше другихъ можете оцѣнить, какъ драгоцѣнно сокровище, ввѣренное мнѣ въ этихъ дѣтяхъ. Вы хорошо понимаете какъ священна обязанность заботиться о душахъ юношей, на которыхъ основывается радость вашей жизни и надежда на будущее. Помогите мнѣ и въ новомъ учебномъ году воспитывать ихъ въ назиданіи и страхѣ Господнемъ, къ чему стремится школа всѣми силами. Довѣряйте намъ и впредь и не откажите въ доброй помощи. Приготовьте сыновьямъ своимъ въ домахъ вашихъ мѣсто скромнаго уединенія, которое для юношества есть единственно достойное предуготовленіе къ жизни. Предостерегите ихъ отъ развлеченій и наслажденій, ослабляющихъ духъ. Искореняйте въ нихъ наклонность къ надменности въ рѣчахъ и сужденіяхъ, наклонность, погубляющую начатки благочестія, изъ которыхъ только и возрастаетъ любовь, благодарность и всякое истинное величіе. Помогите мнѣ такимъ образомъ воспитывать дѣтей вашихъ въ томъ духѣ, въ какомъ воспитываетъ и церковь, чтобы въ нашей школѣ возросло поколѣніе во славу Божію и во благо людямъ.

Фр. Крейманъ.

Распредѣленіе еженедѣльныхъ уроковъ по предметамъ и преподавателямъ.

		Приг. кл.	I	II	III	IV кл. отд.	IV р. отд.	V	VI кл. отд.	VI р. отд.	VII	VIII к. отд.	VIII р. отд.	
Зак. Божій.	Пр. Н. Ф. Добровъ.	2	2	2	2	2	(2)	2	2	(2)	1	1	1	17
	Паст. Э. К. Бергъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	(1)
Руск. языкъ.	А. И. Старкъ.	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
	И. М. Маракуевъ.	—	4	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8
	П. М. Хупотскій.	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	6	10
	М. П. Звѣревъ.	—	—	—	—	3	(3)	4	—	—	—	—	—	7
	А. П. Онвейскій.	—	—	—	—	—	—	—	3	(3)	3	—	—	6
	П. А. Виноградовъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	(3)	3
Латинск. яз.	Ѳ. И. Брюккеръ.	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8
	Э. К. Бергъ.	—	—	7	7	8	—	—	—	—	—	—	—	22
	А. Н. Шварцъ.	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	6
	Я. М. Сарандинаки.	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	6
	В. Г. Зубковъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	—	—	7
	Я. И. Кремеръ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	—	10
Греческ. яз.	Г. Е. Давидсъ.	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	3
	Я. М. Сарандинаки.	—	—	—	—	6	—	—	6	—	—	—	—	12
	А. Н. Шварцъ.	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	6
	В. Г. Зубковъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	—	—	8
	Я. И. Кремеръ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	—	8
Нѣмецк. яз.	Ѳ. И. Брюккеръ.	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
	Р. И. Шмидтъ.	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
	А. Л. Линде.	—	4	4	3	2	(2)	2	3	(3)	2	—	1	21
Французъ. яз.	И. Ф. Феликсъ.	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
	М. П. Кастильонъ.	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
	Ф. Е. Дрогаръ.	—	4	4	3	2	(2)	2	2	(2)	2	—	1	20
Англійск. яз.	И. И. Смитъ.	—	—	—	—	—	2	—	—	2	—	—	2	6
Математика.	И. А. Энгельбрехтъ.	4	4	4	4	4	(4) 3	—	—	—	—	—	—	23
	Ю. Ф. Випперъ.	—	—	—	—	—	—	4	—	4	—	—	—	8
	А. Э. Торнеусъ.	—	—	—	—	—	—	—	4	(4)	4	5	(5) 4	17
Исторія.	П. П. Мельгуновъ.	—	—	—	2	2	(2)	2	2	(2)	2	2	(2)	12
Географія.	И. А. Фейерэйзенъ.	—	(1)	2	2	2	(2)	—	—	—	—	—	—	6
	Ю. Ф. Випперъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	(1)	1
Естеств. ист.	И. А. Фейерэйзенъ.	—	—	—	—	—	2	—	—	2	—	—	2	6
Физика.	Ю. Ф. Випперъ.	—	—	—	—	—	—	—	2	(2)	3	(3)	(3)	5
Каллиграфія и рисованіе.	И. А. Александровъ.	3	3	3	—	—	4	—	—	2	—	—	2	17
Черченіе.	А. В. Пановъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	2
Гимнастика.	В. Х. Фоссъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	(8)
Танцованіе.	Ѳ. Ф. Монтасю.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	(4)
Музыка.	К. Ѳ. Гердманъ,													
Врачъ гимназ.	д. мед. Р. А. Кноблокъ.													
		28	30	30	30	31	28	28	30	30	32	33	33	310

2007098226